

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Любовники
в заснеженном
саду**

Виктория Платова

Любовники в заснеженном саду

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

Любовники в заснеженном саду / В. Е. Платова — «Эксмо»,
2002

ISBN 978-5-04-090168-5

...Ему не повезло: все попытки уйти из жизни вслед за погибшим сыном не увенчались успехом. А должны были увенчаться – только так можно было избавиться от чувства вины. Им повезло больше: пройдя кастинг, они становятся популярным попсовым дуэтом. Плата за славу не так уж велика: скандальный имидж и смена сексуальной ориентации. Но они так юны и еще не знают, что слава и успех проходят слишком быстро, оставляя за собой выжженную и почти мертвую душу. И когда, потеряв все, они остаются на обочине, – тогда и возникает вопрос: сможет ли выжженная душа противостоять чужой жестокой игре или, умерев сама, начнет убивать других?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090168-5

© Платова В. Е., 2002
© Эксмо, 2002

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Виктория Платова

Любовники в заснеженном саду

© Платова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми случайно.

Часть первая

Никита

Сентябрь 200... года

«А ведь она похожа на Ингу, – тупо подумал Никита. – Странно, что я заметил это только сейчас...»

Чертовски похожа. Надо же, дерьмо какое!

Похожа определенно. До смуглой, убитой временем родинки на предплечье. До хрипато-том-вейтсовского «Blue Valentine» – Инга с ума сходила от этой вещи. Есть от чего, по зрелом размышлении. Особенно когда пальцы гитариста рассеянно задевают гриф в проигрышах. Проигрыши похожи на ущелья, в которых так легко разбиться. Проигрыши похожи на ущелья, а Она – на Ингу.

Похожа, похожа, похожа...

Она похожа на Ингу, которую Никита не знает. И никогда не знал. Никита появился потом, и с ним Инга прожила другую жизнь. Восемь лет – тоже жизнь, кусок жизни, осколок, огрызок, съездившаяся змеиная шкурка. Ничего от этой жизни не осталось, ровным счетом ничего. И только гибель Никиты-младшего – как жирная точка в конце. Никите так и не удалось перевести ее в робкое многоточие, даже почти эфемерного «Forse che sì, forse che no» не получилось.

«Forse che sì, forse che no».

«Возможно – да, возможно – нет». Дурацкое выражение, восемь лет назад привезенное ими из свадебного путешествия, из итальянской Мантуи, где они зачали Никиту-младшего. Никите хотелось думать, что в Мантуе, хотя сразу же после Италии, в коротком, дышащем в затылок промежутке, были Испания и Португалия, но... «Возможно – да, возможно – нет» – дурацкое выражение, украшающее эмблемы княжеского дома Гонзага. Никиты-младшего больше нет, а лабиринты остались. Они до сих пор скитаются в этих лабиринтах – Инга и Никита – до сих пор.

Боясь наткнуться друг на друга.

И все равно натыкаются.

Еще чаще они натыкаются на вещи Никиты-младшего, на его игрушки – целое стадо гоночных машинок со счастливым номером Шумахера, кирпичики «Лего», роботов-трансформеров, безвольную мягкую фауну, набитую синтепоном... Автоматы, пистолеты, недоукомплектованные подразделения солдатиков, пазлы, книжки...

Инга до сих пор читает эти книжки – вслух, в гулкой пустой детской, – и тогда Никите начинает казаться, что она помешалась. «Возможно – да, возможно – нет», говорит в таких случаях Инга. Это те немногие слова, которые она все еще говорит ему.

А Она и вправду похожа на Ингу.

Должно быть, Инга такой и была – до встречи с Никитой. Длинноволосая ухоженная блондинка двадцати трех лет, никаких мыслей о родах, после которых так разносит бедра. Аккуратно вырезанные ноздри, аккуратно вырезанные губы, надменная тень капитолийской волчицы в глазах – сестры-близнецы, да и только! Вот только Инга выскочила замуж за первого же встреченного брюнетистого симпатягу без роду-племени, наплевав на другого, совсем не такого симпатичного лошка-мужа... А Она, не будь дурой, взнуздавала самого перспективного жеребца в бизнес-табуне – пусть немолодого, но под завязку упакованного. Его, Никиты, нынешнего хозяина.

Вдовца.

Теперь уже – вдовца.

Но он об этом еще не знает. И никто не знает. Никто, кроме Никиты.

Надо же, дерьмо какое! Хозяйская жена в хозяйской ванной – с аккуратной дыркой во лбу. И он, Никита, на пороге. Его не должно быть здесь, в этой ванной, отделанной под мрамор и такой стерильной, что даже кокетливое биде кажется выпаренным в автоклаве. Его не должно быть здесь – и он здесь.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо!..

Все так же не отрывая взгляда от розовой от крови воды, в которой парило Ее тело, Никита сбросил кроссовки и на цыпочках двинулся к джакузи. Носки сразу же промокли – от почти незаметных крошечных лужиц на мраморном патрицианском полу.

Вода была еще теплой. Парное молоко, сказала бы Инга. Но она давно не говорит об этом. Табу. У них много слов-табу: парное молоко, вода, озеро, кувшинки, песок, дети, мальчик, август, воскресенье, мой малыш, смеяться, крошка Вилли-Винки потерял ботинки, я люблю тебя... Никто больше не говорит Никите: «Я люблю тебя». Ему говорят: «Ты – убийца собственного сына».

Ему говорят об этом, даже когда молчат.

Ему говорят об этом, даже не произнося имени вслух: ведь его собственное проклятое имя – это благословенное имя Никиты-младшего. Имя – табу. Больше года Инга не произносила его имени вслух – с того самого августовского воскресенья, когда их сына не стало.

Вода, которая убила Никиту-младшего, тоже напоминала парное молоко. Но Никита этого не помнит: только холод. Прозрачный холод, застывшая мелкая рябь озерного песка и тельце шестилетнего сына, над которым сомкнулся тяжелый штиль. Никита нашел Никиту-младшего не сразу, он даже не сразу сообразил, что произошло. Еще совсем недавно голова сына горделиво возвышалась над поверхностью: смотри, пап, как я умею плавать, это ведь ты меня научил!.. Все, все было бы сейчас по-другому, если бы Никите не пришла в голову адская мысль выскочить на берег за маской и трубкой. Вернее, она пришла в голову Никите-младшему: «Ты обещал научить меня плавать с трубкой, пап, а еще – акваланг, а правда, что с аквалангом можно увидеть рыбок у самого дна?..» Все, все было бы сейчас по-другому, и Никита-младший уже ходил бы в школу, и на каникулы они обязательно поехали бы куда-нибудь все вместе, – скорее всего, в Мانتую, Инге всегда нравилась Италия.

«Forse che sì, forse che no».

No, no, no...

Нет. А «да» – уже никогда не будет.

Никита выскочил на берег, чтобы взять маску, перетряхнул джинсы, зачем-то вытащил часы – было без двадцати четыре: лучшее время для ленивого позднего лета, с ленивым солнцем и робкой, уже осенней паутиной на траве. Какой-то добродушный толстяк попросил у него закурить, и еще несколько минут ушло на поиски сигарет и необязательный разговор. Несколько минут, в которые можно было спасти Никиту-младшего... И в эти несколько минут сын не кричал, не звал на помощь – очевидно, он просто побоялся выглядеть в глазах отца слабаком. «Не будь слабаком!» – это был их девиз. Ничуть не хуже девиза княжеского дома Гонзага. «Не будь слабаком!» – очень по-мужски. А толстяк, попросивший у Никиты сигарету, смахивал на бабу: застенчивый, плохо обозначенный подбородок, покатые плечи, грудь, нависающая на живот... Он-то и забеспокоился первым, очень по-женски: «Ваш сынишка – просто молодчина, так уверенно держится на воде... Это ведь ваш сын? Я наблюдал за вами... Правда, сейчас его не вижу...» Но даже и эта вскользь оброненная фраза не заставила Никиту забеспокоиться. Позднее лето, ленивое солнце, ленивая медовая вода – какое уж тут беспокойство! Только когда он обернулся и не увидел упрямого шелковистого затылка Никиты-младшего – только тогда его кольнуло в сердце. Кажется, он крикнул «Никитка!» и бросился в воду. Толстяк последовал за ним – Никита услышал только, как охнуло озеро за его спиной: должно

быть, именно так резвятся киты на мелководе... Почему он подумал тогда об этом, почему?! Не о Никите-младшем, а о китах и мелководе...

Они нашли Никиту-младшего минут через десять. Так, во всяком случае, утверждал толстяк, который давал показания милиции, приехавшей одновременно со «Скорой». Для самого Никиты время остановилось и перестало существовать. Нет, метастазы времени, его короткие сполохи все еще давали о себе знать, когда он пытался вдохнуть жизнь в посиневшие губы сына, когда, положив его невесомое тело на колено, все жал и жал на узенькую детскую спину. Чуда не произошло – только песок и вода, выходящая из легких. Только песок и вода...

Никита почти не помнил похорон. Зато хорошо запомнил Ингу – в тот вечер, когда они впервые остались одни, без Никиты-младшего. Без живого Никиты-младшего, без мертвого Никиты-младшего. В тот вечер и во все последующие. До этого он, как мог, пытался поддерживать жену, Инга тоже цеплялась за него – чтобы не сойти с ума в водовороте последнего ритуального кошмара. «Нужно перетерпеть, нужно перетерпеть, милый», – бессвязно шептала она Никите даже на кладбище. Она была единственной, кто не плакал, – и это не выглядело кощунственным: горе было слишком велико, чтобы пытаться умиловить его, заглушить слезами.

До девятого дня Инга была спокойна, удивительно спокойна – так спокойна, что Никита несколько раз снимал телефонную трубку, чтобы позвонить в психушку. Она почти не выходила из детской, а если и выходила, то только для того, чтобы заглянуть в шкаф, под кровать и за портьеры в спальне – излюбленные места Никиты-младшего в их до одури беспорядочной семейной игре в прятки... Кого она искала? Никиту-младшего, себя саму, безвозвратно утерянное счастье последних шести лет? «Forse che sì, forse che no».

Нужно перетерпеть, нужно перетерпеть, милый...

Все эти девять дней она была нежна с Никитой – рассеянно, потусторонне нежна. Такой нежности не было даже в их медовый месяц в Мантуе. Впрочем, о нежности говорить тогда не приходилось – страсть, дикая, необузданная страсть – вот что там было. И Никита-младший родился смуглым, с длинными черными прядками на темени, с неровными, как будто подпаленными ресницами, – он был выжжен этой страстью. Он родился от огня, а умер – от воды...

Все кончилось на десятый день. Инга *нашла*. Но не сына, спрятавшегося в спальне, нет. Она нашла то, чего не искала, не хотела найти ни при каких обстоятельствах, – она нашла правду о том, что Никиты-младшего больше не будет. Никогда. Роботы-трансформеры, книжки, фотки, пожухлые видеопленки с дня рождения будут, а его – не будет. Правда слишком долго стояла за портьерой, лежала под кроватью, сгибалась в три погибели в шкафу – и ей надоело хорониться! Она выползла из своих многочисленных укрытий и коснулась нежных тонких волос Инги шершавой безжалостной ладонью, а потом, примерившись, ударила наотмашь: Никиты-младшего не будет никогда.

Никита не видел, как это произошло: он сидел на кухне и вливал в себя водку. С тем же успехом можно было пить спирт, мазут, дистиллированную воду – никакого эффекта. Инга вошла как раз в недолгом перерыве между двумя очередными стопками, прикрыла за собой дверь и тяжело облокотилась на нее.

– Ты убил моего сына, – безразличным треснувшим голосом сказала она.

Это была вторая правда, открывшаяся Инге вслед за первой.

– Ты убил моего сына. Гореть тебе в аду.

Никита даже не нашелся, что ответить. Да и что было отвечать? «Ты права»? «Ты сошла с ума»? «Побойся бога»? «Нужно перетерпеть, милая»?..

– Инга... – пролепетал Никита. Но так ничего и не сказал.

– Я обещаю тебе ад. Ты слышишь? Обещаю...

И она сдержала слово. Его неистовая жена. Она не ушла от Никиты, потому что уйти от Никиты – означало увести ад с собой. И больше не видеть, как мучается невинный убийца невинного сына. А ей нужно было видеть, нужно! Дважды Никита пытался покончить с собой –

и дважды Инга спасала его: от петли и от жалкой кучки бритвенных лезвий. В последний раз она успела как раз вовремя – Никита всего лишь дважды полоснул себя по венам, на большее не хватило времени: она вынесла дверь в ванную – и откуда только силы взялись?..

– Ты не отделаешься так легко, – сказала Инга, зажимая губами хлещущую с запястий кровь. – Не отделаешься. Ты будешь жить. Смерть не для тебя, слышишь!..

И Никита смирился. Смерть не для него. Смерть – рай, а он приговорен к аду. И его светловолосый палач всегда будет рядом с ним. Они оба состарятся в этом аду, а Никита-младший так и останется шестилетним мальчишкой, который больше всего боялся оказаться слабым.

После смерти Никиты-младшего они ни разу не были близки. Они даже спали в разных комнатах: Инга – в детской, а Никита – в их когда-то общей спальне. Но оставаться там тоже было невыносимо: спальня была пропитана их ласками, их безумными ночами, ее приглушенными (чтобы не разбудить сына) стонами и его шепотом: «Ты нимфоманка, девочка, нимфоманка... Боже мой, я женат на нимфоманке...» За годы супружества – до самой смерти Никиты-младшего – их страсть не потускнела, скорее наоборот – что только не приходило им в голову! А слабо заняться любовью в подсобке мебельного магазина, куда они завернули, чтобы выбрать стол для Никиты-младшего? Не слабо, не слабо... А слабо заняться любовью в лифте – в доме Никитино друга Левитаса, к которому они были приглашены на день рождения? Не слабо, не слабо, совсем не слабо, даром что шампанское разбито, цветы помяты и от макияжа ничего не осталось – как же ты хороша... Как же ты хороша, девочка моя... А невинные шалости на последнем ряду с гарниром из затрапезного американского кинца – в «Баррикаде» или «Колизее»! Инга предпочитала «Колизей» – кресла в «Колизее» ей нравились больше. Она обожала целоваться на эскалаторе в метро – и они иногда, оставив Никиту-младшего с приходящей няней, посвящали метрошке целые вечера. Смешно, ведь у Никиты уже давно была машина – «жигуленок» девятой модели. Конечно же, они проделывали это и в машине, как проделывали это везде, но с «целоваться на эскалаторе» ничто не могло сравниться. Целоваться на эскалаторе, залезать друг другу под одежду в переполненном вагоне – и чем больше одежды, тем лучше, тем дольше и упоительнее один и тот же, но всегда новый путь к телу... К напряженным соскам, к взмокшей спине, к колом вставшему паху... В этот момент шальные глаза Инги меняли цвет – Никита даже не мог подобрать определения этому цвету, пока – совершенно случайно – не нашел его: цвет крылышек ночной бабочки, утонувшей в бокале с коньяком...

Дерьмо, дерьмо, дерьмо...

Больше он ни разу не видел у нее таких глаз, и «утонуть» – тоже стало словом-табу. Самым страшным словом, возглавлявшим список всех страшных слов.

Он не смог оставаться в спальне и перебрался на кухню, на маленький вытертый топчан. Детская была за стеной, слишком тонкой, чтобы скрыть от Никиты беззвучные рыдания жены: так они оба и тлели в этом своем ледяном аду через стенку, порознь – и все равно вместе, порознь – и вместе. И ни разу он не переступил порог детской – не под страхом смерти, а под страхом жизни, которая хуже смерти. Инга охраняла детскую, как львица охраняет свое логово. Лишь однажды, вусмерть напившись (только спустя три месяца он заново научился хмелеть от алкоголя), Никита попытался войти. Она легко справилась с ним, пьяным и жалким, отбросив к противоположной стене коридора. Он с готовностью упал и с готовностью стукнулся затылком о стенку.

– Так не может продолжаться вечно, – сказал он.

– Так будет продолжаться вечно, – отрезала она. – Пока ты не подохнешь. А подохнешь ты не скоро...

– Я знаю. Но так не может продолжаться вечно.

О чем он хотел поговорить с ней тогда? Вздвинченный водкой, уставший, опустошенный... О том, что невозможно ежесекундно искупать то, что в принципе искупить невозможно?

Или о том, что лучший выход для них обоих – попытаться начать все сначала? Или о том, что ни слепая ярость, ни заиндевшая ненависть не вернут Никиту-младшего? Или о том, что ему тридцать три, а ей – тридцать один, и просто ждать смерти слишком долго? Или о том, чтобы... чтобы родить еще одного Никиту – Никиту-младшего-младшего...

Да, именно это он и сказал ей тогда. Сказал, заранее зная ответ.

– Тебе не удастся спрятаться, – ничего другого и быть не могло. – Новый Никита? Хочешь сострогать себе нового сына?

– Не обязательно сына, – ляпнул он первое, что пришло ему в голову. – Можно девочку. Похожую на тебя. На ту, которая любила меня когда-то...

– Забудь, – она даже не ударила его ногой в услужливо подставленный подбородок.

– Но ведь ты же любила меня когда-то, – упрямо повторил Никита. – Ведь ты же любила меня...

– Нет, – отчаянно солгала она.

– Да. Любила, не отпирайся. С ума по мне сходила... Трахала меня при первой же удобной возможности. И неудобной тоже. Вспомни...

– Нет.

– Ты любила меня... когда-то... – продолжал настаивать он. Ни на что, впрочем, не надеясь.

Надежды на ее тело тоже не было. Никакой. Тело Инги, такое чуткое, такое страстное, исполненное таких непристойных желаний, что даже дух захватывало, умерло. И осталось лежать на дне озера, в котором утонул их сын. Оболочка – не в счет, оболочка осталась от них обоих, набитая никому не нужными теперь потрохами оболочка.

– ...Когда-то у нас был сын. Но ты не спас его. Не спас. Ты убил его... И тебе это сошло с рук – несчастный случай, как же! И теперь ты хочешь, чтобы... – Инга не договорила.

И договаривать не нужно – все и так понятно. Ребенок – слово-табу. Другой ребенок – предательство по отношению к Никите-младшему. Вскоре Никита и сам стал так думать, ведь сумасшествие заразительно. А такое, молчаливое, долгое, уравновешенное – и подавно. Такому сумасшествию надо посвящать жизнь, ни на что не отвлекаясь. Увольняться с работы, брать отпуск... Но Инга с работы не уволилась, так и осталась редактором в небольшом издательстве, специализирующемся на выпуске пустоголовых брошюр из серии «Карма и здоровье: народные целители рекомендуют...».

Уволился Никита. Он променял свое – достаточно хлебное – место программиста на сомнительное поприще частного извоза. Нет, он ни о чем не жалел, глупо жалеть о чем-то, безвылазно сидя в склепе своей заживо похороненной жизни. Он даже не возил с собой монтировки, хотя работал по ночам, – и в этом был тайный умысел. Не слышать еженощного тихого Ингиного поскуливания за стеной. И еще – робкая надежда на то, что его убьют когда-нибудь – ведь сколько говорили об убийствах таксистов!

Но его не убили, хотя он и нарывался на это, как подросток надрывается на драку... О, как же Никита нарывался! Он подсаживал самые сомнительные, самые забубенные компашки, его постоянной клиентурой были наркоманы и щетинистые азербайджанцы с разбойным физиономиями; он мотался в Пушкин и Всеволожск за символическую плату, нарочно притормаживая у соблазнительных лесных массивов, – и ничего не происходило.

Полный ноль. Надо же, дерьмо какое!

Все наркоманы, азербайджанцы, отставные боксеры и братки при исполнении были заодно с Ингой, с ее скребущим душу заклинанием: «Смерть не для тебя».

Но именно в одну из этих окаянных ночей Никита и встретил Корабельникоффа.

Вернее, нашел.

То есть тогда еще Никита не знал, что это и есть почти всемогущий Ока Корабельникофф, владелец мощной пивной империи. И сопутствующих безалкогольных производств.

Пиво Никита не любил, предпочитая ему более крепкие напитки, но этикетку «Корабельникoff» видел неоднократно. С некоторых пор «Корабельникoff» имел широкое хождение в народе, постепенно вытесняя более раскрученные бренды. «Белые воротнички» предпочитали «Корабельникoff Classic» (золото на голубом); «синие воротнички» – «Корабельникoff Porter» (золото на красном), демократическая богема – «Корабельникoff Special» (золото на изысканно-фиолетовом). Продвинутым клубящимся тинам достался золочено-малахитовый «Корабельникoff Original», – не самое плохое продолжение угарной ночи под грандж и марихуану.

Никита впервые увидел Корабельникoffa в состоянии, далеком от классического. Скорее его можно было назвать original. Ровно через пять месяцев после гибели Никиты-младшего в стылom бесснежном январе, на Вознесенском, у казино «Луна», рыщущий в поисках клиентов Никита заметил тревожное черное пятно у припаркованного «Лендровера». Джипы Никита не любил с той же тоскливой яростью, что и расплодившиеся как кролики казино – и почти наверняка проехал бы мимо, если бы... Если бы пятно не пошевелилось и едва слышно не застонало. Стон был недолгим, кротким, почти домашним – и никак не вязался с ненавистным, сверкающим крутым апгрейдом джипом. Никита проехал по инерции еще метров пятьдесят, потом остановился, попутно выматерив стершиеся тормозные колодки, и сдал назад.

Почувствовав чье-то настороженное и готовое к помощи присутствие, пятно воодушевилось, застонало громче и прямо на глазах трансформировалось в человеческую фигуру. Да и Никита больше не раздумывал. Он выскочил из машины и приблизился к человеку у джипа.

– Вам плохо? – На дежурную фразу ушло ровно две секунды. Ответ занял чуть больше времени.

– Поищите... Она, должно быть, где-то здесь... Там таблетки...

Пухлая борсетка валялась неподалеку. «Здорово же тебя прихватило, если даже до спасительных таблеток не дотянуться», – подумал Никита.

– В маленьком отделении... – определил направление поисков несчастный придаток к «Лендроверу». – Код... 1369...

В пахнувшей дорогой кожей борсетке оказалась почти запредельная пачка столлларовых купюр – не иначе, как годовой оборот какого-нибудь конверсионного заводика. Или – фабрики елочных игрушек. Простому, ничем не обремененному физическому лицу такого количества денег и за всю жизнь не поднять, ежу понятно!..

– Сколько? – коротко спросил Никита.

– Сколько... хотите... Хоть все забирайте...

Надо же, никаких сожалений по поводу кучи баксов! При подобной куче должны неотлучно находится телохранители, сексапильная секретарша с опытом работы в Word и мужском паху, а также взвод стрелков вневедомственной охраны.

– Сколько таблеток?

– А?... Две... Две...

Негнушимися, моментально прихваченными морозом пальцами, Никита выдавил на ладонь две ярко-рубиновые капсулы.

– Держите.

Мужчина сунул капсулы под язык, вжался затылком в подножку джипа и затих. На вид ему было около пятидесяти, но в подобном «около пятидесяти» можно просуществовать не один десяток лет. Законсервированная мужественность, больше уместная на обложке журнала «Карьера», – даже в столь беспомощном состоянии мужчина выглядел монументально. В этом человеке смешались приглушенные запахи дорогого виски и дорогого парфюма; голодная юность и сытая зрелость, заграничные командировки и отечественные сауны, волчья хватка и почти лебединая интеллектуальная расслабленность. Если он когда-нибудь и заказывал конкурентов (без этого такую внушительную зеленоглазую сумму на карманные утехи не

наскребешь!), то исключительно под Брамса, руководствуясь откровениями Ницше, Хайдеггера и прочих экстремистов в толстых академических переплетах. В этом седоватом хозяине жизни было все то, чего по определению не могло быть в голодранце Никите: мощные паучьи челюсти, жесткий рот, аскетичные впалые щеки, к которым навечно приклеился загар Коста-Браво; тяжелые надбровные дуги и лоб мыслителя. Именно мыслителя, а не какого-нибудь ловчи́лы-интеллектуала типа Билли Гейтса.

– Ну как? – поинтересовался Никита, почти раздавленный таким ярким воплощением благосклонности фортуны. – Полегче?

– Полегче... – в прояснившемся и вновь обретшем опору голосе проскользнули нотки стыда за собственную слабость. Голос тоже был под стать паучьим челюстям – бестрепетный и обволакивающий одновременно.

– Ваша машина? – Никита кивнул подбородком в сторону «Лендровера».

– Моя...

– Вы в состоянии управлять?

– В состоянии...

Это была очевидная, но вполне простительная для такого сильного человека ложь. Ему действительно стало полегче, но он все еще не мог управлять даже собственным телом.

– Давайте-ка я вас отвезу, – предложил свои услуги Никита. – Вы где живете?

– Васильевский...

Ого! Соседи!.. Никита тоже жил на Васильевском, в мрачноватом доме на Пятнадцатой линии, недалеко от Малого проспекта. Но вряд ли Васильевский Никиты Чинякова походил на Васильевский феерического владельца «Лендровера». Тот, скорее всего, окопался на демаркационной Третьей, в недавно отреставрированном заповеднике «новых русских». С подземными гаражами, закрытыми итальянскими двориками, кондиционерами, встроенными в окна, и видеокамерами наблюдения по периметру.

– Вот только тачка у меня не фонтан, – совершенно неожиданно для себя прогнусавил Никита. – С вашей не сравнить...

– Кой черт!..

Действительно, кой черт! Для такого забронзовевшего в собственном величии деятеля все – «кой черт». Даже его собственный крутой «Лендровер». Наверняка он меняет эти «Лендроверы», как перчатки.

– Можете встать? Или вам помочь?

– Не нужно. Я сам...

У Никиты вдруг перехватило горло. «Я сам» – было излюбленным выражением Никиты-младшего. С тех самых пор, как он научился завязывать шнурки на ботинках и несложные слова в несложных предложениях. Ничего общего между маленьким мальчиком и стареющим мужиком не было, кроме этого лобастого «Я сам», но... Никита вдруг подумал, что вырасти Никита-младший, он вполне бы мог походить на этого умницу-самца с самоуверенными бесстрашными яйцами. Не на него самого и даже не на Ингу – а вот на этого самца... Случайное сходство, «Рюи блаз» – совсем как в забытом, нежнейшем черно-белом кино с Жаном Маре в главной роли... Жан Маре был кумиром Никитино добропорядочного старопетербургского детства. И Никита впервые посмотрел на случайного знакомого с симпатией.

– Тогда я жду вас в машине. Вон моя «девятка»...

– Хорошо. Дайте мне еще две минуты.

В голосе мужчины появились повелительные нотки: никаких возражений, слушай и повинуйся, приказы не обсуждаются, а выполняются. И Никита поплелся к «жигуленку» – выполнять приказ. И все эти долгие две минуты ожидания наблюдал не за мужчиной, а за секундной стрелкой часов на приборной панели. Уложится или нет, уложится или нет?

Он уложился.

Это была разъедающая кровь профессиональная пунктуальность делового человека. Такой и на свои собственные похороны явится с временным люфтом в десять секунд.

Тяжело рухнув на пассажирское сиденье, мужчина смежил веки и сказал:

– Пятнадцатая линия и угол Среднего. Остановитесь возле магазина «Оптика»...

Никита даже присвистнул от удивления. А они, оказывается, не просто соседи, а почти родственники! Но вряд ли его нынешний пассажир жил в сером коммунальном клоповнике с вывеской «Оптика» на первом этаже...

– Ориентируетесь на Васильевском?

– Да как сказать, – Никита пожал плечами. – Всю жизнь там прожил.

И даже ходил в детсад рядом с клоповником. Теперь от детсада остались одни воспоминания – из ничем не примечательной двухэтажной коробки меньше чем за полтора года состряпали уютный особнячок на четыре квартиры... Особнячок до последнего времени заселен не был, очевидно, не все работы по отделке были завершены, но... Уж не там ли собирается свить аристократическое гнездо этот деловар?..

– Отлично. Тогда поехали...

...Догадка Никиты подтвердилась ровно через пятнадцать минут, когда «девятка» затормозила у освещенного строительными прожекторами особняка. Так и есть, работы еще не закончены. А он уже примеряется к новой сфере обитания – справный хозяин, ничего не скажешь.

– Сколько я вам должен? – спросил мужик.

– Нисколько, – ответил Никита.

– Так не бывает.

– Бывает. Я рад, что смог вам помочь.

Это была не вся правда. Большая ее часть, но не вся. Все дело заключалось в том, что Никите понравился этот железобетонный тип, эта ходячая энциклопедия жизненного успеха. Понравился до детского щенячьего восторга, до подросткового полуобморочного поклонения. Помочь такому человеку, подставить плечо в трудную минуту – из разряда фантазий перед сном. И вот, пожалуйста, – свершилось! Никита поймал себя на мысли, что ни разу за последние пятнадцать минут не вспомнил ни об Инге, ни о Никите-младшем, а ведь он думал о них постоянно. Думать о них было тяжелой изнурительной работой, сизифовым трудом, безнадежным и бесконечным, – и вдруг такая передышка! Целых пятнадцать минут блаженной пустоты – в пору самому приплатить за это!

– Выпить хочешь? – неожиданно спросил мужик.

– Хочу, – вполне ожидаемо ответил Никита.

– Идем.

...Как потом оказалось, это было приглашением в ближний круг Оки Корабельникоффа. В самый ближний. Ближе не бывает. Вот только тогда, в январскую ночь, сидя на кухне у пивного барона, Никита Чиняков даже не подозревал об этом. Квартира Корабельникоффа – вернее, набросок, скелет квартиры – состояла из пяти пустых комнат, двух санузлов и кухни, в которой, при желании, можно было проводить товарищеские встречи по конному поло. На кухне, как и в комнатах, не было ничего, кроме бытовой техники: гигантский холодильник, плита, микроволновка, стол, широкое кожаное кресло и одинокая табуретка. У стены стояло несколько картонных коробок с затейливым лейблом и непритязательной надписью «Корабельникофф Classic». Коробки оставили Никиту равнодушным. Да и заметил он их чуть позже, поначалу сосредоточив все внимание на хозяине квартиры. Даже в предательском свете нескольких стоваттных лампочек ничего не изменилось: его новый знакомый так и не выскочил из благородной категории «около пятидесяти». В этом возрасте играют во взрослые игры, делают взрослые ставки и вершат судьбы мира – именно в этом, а не в куцем Никитином возрасте Христа. Ничего не изменилось, вот только загар показался Никите чуть темнее, рот – чуть жестче,

а лоб – выше. Хотя куда уж выше!.. Лоб скобкой обхватывали битые глубокой проседью густые черные волосы: очевидно, хозяин начал сидеть еще в юности, так что никаких сожалений по этому поводу быть не должно. Да и ни по каким другим – тоже. Жизнь состоялась! Что бы там ни нашептывали две печальные складки у крыльев носа. А нашептывали они о потерях... Кой черт – потерях, к пятидесяти у каждого за спиной целая вереница потерь, философски рассуждая – всего лишь цена за возможность жить дальше. Когда-нибудь и ты сам станешь ценой, платой для других людей, – необязательные мысли об этом можно разгребать лопатой. Но ворочать черенок Никите не хотелось, ему хотелось выпить, может быть, даже напиться. С совершенно незнакомым ему и таким притягательным человеком.

Притягательный человек знакомиться не торопился. Он не спросил, как зовут Никиту, да и сам не представился.

– Водку будешь? – отрывисто спросил он.

– Буду...

Если бы Никите предложили денатурат, он бы все равно согласился. «Я думаю, это начало большой дружбы», – осторожно пульсировала в Никитиных висках последняя фраза из нежнейшей черно-белой «Касабланки». Все любимые фильмы Никиты были нежнейшими и черно-белыми... Его теперешний мир тоже был черно-белым, но никакой нежности в нем не было. Только отчаяние и боль. Теплая, как парное молоко...

Водка оказалась недорогой, но качественной, палка колбасы была искромсана кое-как, хлеб нарезан толстыми ломтями, огурцы выуживались прямо из банки – лучше не придумаешь! После первых стопок огромная кухня сузилась до размеров заплыванного купе поезда дальнего следования. И Никита сломался. Почти не сбиваясь и совсем не путаясь, он рассказал случайному человеку всю свою жизнь, и жизнь Инги, и жизнь Никиты-младшего. А потом – и всю свою смерть, и смерть Инги, и смерть Никиты-младшего. Незнакомец слушал сосредоточенно и молча и ни разу не перебил. И только вытаскивал из бездонного холодильника все новые и новые емкости с водкой.

В конце концов, случилось то, что и должно было случиться: Никита напился в хлам. Он не помнил, как отключился. Пришел в себя на диване в гостиной, заботливо укрытый пледом. В широких окнах маячил сумрачный январский день, а прямо на полу, возле аккуратно составленных ботинок, валялась визитка. Преодолевая сухость во рту и ломоту в затылке, Никита нагнулся, подхватил ее и принялся изучать.

Плотный ламинированный кусок картона содержал не так уж много полезной информации, что-то подобное Никита предполагал с самого начала. Но неизвестный, случайно открытый им материк приобрел реальные очертания и получил имя. Странное имя – Ока.

«ОКА КОРАБЕЛЬНИКОФФ, – значилось в визитке, – ПИВОВАРЕННАЯ КОМПАНИЯ «КОРАБЕЛЬНИКОФФ».

Разноцветные этикетки корабельникоффского пива заплясали в глазах – самое время опохмелиться! Но, прежде чем высунуться из-под пледа и спустить ноги на пол, Никита перевернул визитку.

«НАБЕРЕЖНАЯ ОБВОДНОГО КАНАЛА, 114. СЕГОДНЯ, 17.00».

Это было похоже на очередное распоряжение. Или... Может быть... «Я думаю, это начало большой дружбы»?.. «Forse che sì, forse che no». Кровь снова тихо заворочалась в Никитиных висках. Опохмелиться! И побыстрее!

Чувствуя себя мальчишкой в пустом родительском доме, Никита на цыпочках прокрался на кухню и залез в холодильник. Холодильник оказался под завязку забит водкой, пивом и баночными огурцами, а на краешке стола лежал ключ. На самом видном месте – не заметить его было невозможно. Следовательно, ключ предназначался именно ему, Никите. Монументальный Ока не стал будить его утром, чтобы за шкурку вытряхнуть неспривающегося молодца за дверь, совсем напротив. Оставил постороннего человека в своей квартире, начиненной сте-

реосистемами, плоскими телевизионными ящиками и прочими прелестями общества потребления. Удивительная беспечность, хотя... Если учесть, что сегодня ночью Никита отказался от платы за доставку дорогого во всех отношениях тела на Пятнадцатую линию, а еще раньше не соблазнился целой пачкой долларов... Хотя мог бы, мог. Уж слишком беспомощным выглядел Корабельникофф у подножия «Лендровера», грех было не упасть до банального безнаказанного воровства. Но – не упал. Не нужно быть психологом, чтобы понять, что Никите можно доверить все, что угодно, он и булавки чужой не возьмет. А психологом Ока Корабельникофф был наверняка – не мог не быть, занимая такой пост. Не глядя махнув бутылку «Корабельникофф Classic» и сунув ключ в карман джинсов, Никита засобирился. В свою собственную «сраную жизнь», как называл его нынешнее существование друган Левитас. Дружба их тянулась еще из покрытых сиреневой дымкой школьных лет; они не расстались даже тогда, когда Никита поступил на мехмат университета, а Митенька, по причине врожденной математической тупости, – пополнил ментовские ряды. Беспривязно кочуя, он в конце концов оказался в убойном отделе, да так и завис там на должности опера.

Митенька Левитас был единственным человеком, с которым Никита поддерживал некое подобие отношений. Это было единственной уступкой безвозвратно ушедшей счастливой жизни; слабостью, замешанной на общем институтском прошлом, на общих девчонках, общих выпивках и общей работе. Отказаться от Левитаса означало заколотить гроб окончательно. И Левитас всеми правдами и неправдами просачивался в узкую щель, куда всем остальным вход был заказан. Другьям Никиты, другьям Инги, их общим другьям. Иезуитская инициатива, как и все другие иезуитские инициативы, исходила от Инги: в их ледяном аду не должно быть никого, – никого, кто может согреть словом, дыханием или просто сочувственным пожатием руки. Противостоять Инге было невозможно – и все отступили. Не сразу, но отступили. И только Левитас продолжал долбить клювом в проклятую крышку их общего с Ингой гроба. Иногда ему даже удавалось вытащить Никиту в сауну на Крестовском, но чаще они встречались в «Алеше» на Большом проспекте – за традиционным «полкило» паленого махачкалинского коньяка.

– Бросай ты эту суку, – в очередной раз увещевал Левитас Никиту.

– Хороший совет, – в очередной раз грустно улыбался Никита.

Бросить Ингу! Нет, он никогда этого не сделает, никогда! Бросить Ингу означало бросить на произвол судьбы маленького мертвого мальчика, сына, – оставить его лежать под открытым небом, пока вороны времени не выключат ему глаза. Бросить Ингу было невозможно.

– Ну нет так нет, – в очередной раз соглашался Левитас. – Тогда по-быстрому допиваем коньячишко и возвращайся в свою сраную жизнь.

– Куда ж я денусь!..

– Ну, блин... Нет ума – строй дома...

«Нет ума – строй дома» – знаменитая Митенькина присказка. После нее следовал монолог о смерти, к которой Левитас, как сотрудник убойного, относился достаточно цинично.

– Не с вами одним такое несчастье случилось, – впаривал Никите Митенька. – Уж поверь... Я с этим постоянно сталкиваюсь... Сплошь и рядом, сплошь и рядом.

– Ты не понимаешь... Смерть – только тогда смерть, когда она касается тебя лично. Все остальное – не в счет...

– Дурак ты, Кит. Ой, дурак...

В этом месте их бесконечной, идущей по кругу беседы Левитас, как правило, замолкал: перед ним вставала обычная дилемма – шваркнуть Никиту по физиономии или молча допить коньяк. И, как правило, Левитас выбирал последнее: несмотря на оголтелую работу, он был миролюбивым малым. Миролюбивым и свободным, не отягощенным ни женой, ни детьми, ни особыми проблемами. Хотя одна проблема у Левитаса все-таки была. Проблема носила кличку Цефей и отнимала у Митеньки те немногие силы, которые еще оставались после работы и бес-

порядочных половых связей. Цефей (или, по-домашнему, Цыпа) был гнуснейшим молодым доберманом с отвратительным характером. Цыпа кусал всех подряд, невзирая на возраст и пол, и так громко выл в одиночестве, что к Митеньке неоднократно заглядывала милиция – не подпольный ли абортарий содержит гражданин Левитас, не живодерню ли на дому? Кроме того, Цыпа не признавал собачьего распорядка и нагло клал кучи посреди коридора в самое неподходящее для этого время. Обычно оно совпадало с визитом очередной секс-дивы, на которой Левитас готов был жениться, не выползая из койки. Дива, преследуемая запахом собачьего дерьма, покидала логово Левитаса в пожарном порядке, после чего Митенька принимался за показательную порку. Но толку от этой порки не было никакого.

– Из-за этого проклятого кобеля я никогда не женюсь, – сокрушался Левитас.

– И не женись. Никогда не женись. Никогда.

Это Никитино «никогда» было последним словом приговоренного. В утро накануне казни. Никаких апелляций. Яйцо всмятку и крепкая сигарета на завтрак – и никаких апелляций. Нежнейшее черно-белое «Приговоренный к смерти бежал» – не для него...

...Прежде чем захлопнуть дверь, Никита совершил еще одну беглую экскурсию по квартире Корабельникоффа. Нельзя сказать, чтобы пустота комнат пополнила скудные знания о владельце пивоваренной компании, но одно можно было сказать наверняка: Корабельникофф одинок. Почти так же, как и сам Никита. Единственным более-менее обжитым местом оказался кабинет с узкой походной койкой и широким столом, заваленным бумагами. К компьютеру, стоящему на столе, прилепилось несколько фотографий. Фотографии были старыми, выцветшими и категорически не монтировались со стильными узкими рамками. Они распирали модернистский каркас и тщетно пытались вырваться, перемахнуть через десятилетия: молодой моряк с топорщащимися на плечах и еще не обмытыми лейтенантскими погонами, молодая женщина с тяжелыми волосами, мальчик с высоким лбом мыслителя... Черные-белые, и нежные, нежные, нежные... Ни одного современного снимка, ни единого, – как будто жизнь Корабельникоффа осталась там, остановилась, замерла.

Жизнь Корабельникоффа – какой бы она ни была и чтобы ни случилось потом с моряком, женщиной и мальчиком, – жизнь Корабельникоффа не шла ни в какое сравнение со сраной жизнью Никиты.

Или шла?..

Как бы там ни было, но без десяти пять Никита уже парковал свою «девятку» у огромного, похожего на заводской, корпуса на Обводнике, 114. По фасаду здания шло самоуверенное, не нуждающееся ни в каких комментариях «КОРАБЕЛЬНИКОФФ», стеклянные к нему подступы охраняла сладкая парочка секьюрити в одинаковых галстуках, стрижках и подбородках, – и Никита приуныл. Он даже не помнил теперь, сообщил ли ночному Корабельникоффу свое имя. Если нет – смешно надеяться на аудиенцию у Корабельникоффа дневного. Но приказной тон твердого почерка на визитке, эта дудочка Крысолова, погнал его ко входу, как крысу к воде. Остановившись у закаменевшего в своем величии секьюрити, Никита промямлил, что его ждет глава компании, что ему назначено время на семнадц... Секьюрити оборвал его на полуслове – одним движением подбородка, созданного именно для этих целей: обрывать на полуслове. Проследив за направлением движения, Никита уперся взглядом в стойку с сидящей за ней симпатичной девушкой (никакой плохо выбранной вохры, надо же!)...

С девушкой все прошло гладко, стоило только Никите открыть рот и выдать тираду о семнадцати часах и встрече с первым лицом концерна «Корабельникофф» по личному вопросу, даже визиткой потрясать не пришлось.

– Третий этаж, направо. Административное крыло, – протрубила девушка низким голосом исполнительницы песен в стиле «спиричуэлс».

– Спасибо, – поблагодарил Никита и двинулся к лифту.

Размах административного крыла поразил его воображение – на таких крыльях нужно парить над бескрайними пустынными просторами Аризоны, а не жаться в узком каменном небе Питера. Поплутав минут десять по коридору, Никита вышел-таки на цель – как и следовало ожидать, из ценных пород дерева. К ценным породам была привинчена табличка из давно вышедшей из моды бронзы, и к странному имени Ока прибавилось вполне заурядное отчество – Алексеевич. Никита прокашлялся и толкнул эпическую дверь.

За дверью оказался вместительный предбанник с секретаршей – вопреки ожиданиям немолодой и некрасивой, но с умным решительным ртом и запавшими щеками. Даже по одним этим щекам стало понятно, что за плечами у секретарши – престижный вуз, многолетняя работа в качестве какого-нибудь научного сотрудника, 120 знаков в минуту слепым методом, пара-тройка иностранных языков и курсы стенографии. И что ее интеллектуальный коэффициент сопоставим с интеллектуальным коэффициентом физика-ядерщика из Лос-Аламоса.

– Мне назначено, – севшим голосом пробормотал Никита. Господи, что же он тут делает, идиот, ведь присутственные места не для него! – На семнадцать ноль-ноль. По личному вопросу.

Секретарша подняла глаза от компьютера и несколько секунд старательно фотографировала Никиту – в самых различных ракурсах: джинсики, кроссовки, вытертый кожаный пиджакишко, вытертая вельветовая рубашонка и совсем уж лишний галстук.

Очевидно, именно этот галстук и произвел на секретаршу неизгладимое впечатление. Черты ее лица смягчились, она даже нашла нужным приветливо улыбнуться Никите:

– Вас ждут.

– А куда идти-то? – беспомощно ляпнул Никита.

– Вот в эту дверь, молодой человек...

За дверью, на которую указала секретарша, Никиту поджидал Корабельникoff. И новая жизнь.

То есть жизнь, как таковая, осталась прежней – стильной и под завязку набитой прошлым. И – Ингой. Но в ней появилась странная должность личного шофера – личного шофера Оки Корабельникoffа. Корабельникoff сунул ее Никите под нос, как только поздоровался с ним.

– Водилой ко мне пойдешь? – спросило первое лицо под аккомпанемент стрекочущего факса, не отрываясь от сотового телефона и горы каких-то бумаг.

– Пойду.

– Деньги, конечно, не такие большие... Но ведь тебя не деньги интересуют, как я понимаю?

– Деньги меня не интересуют.

Корабельникoff раздвинул паучьи жвалы в подобии улыбки: очевидно, вспомнил о пачке долларов в борсетке.

– Вот и ладно. Можешь оформляться. Нонна Багратионовна все тебе объяснит.

– Нонна Багратионовна?

– Моя секретарша. Думаю, много времени это не займет. Через час приступишь. Через час пятнадцать машина должна быть у подъезда, – и Корабельникoff кивнул головой, давая понять, что аудиенция закончена.

...Через час Никита получил ключи от представительского «Мерседеса» с бронированными стеклами, а еще через месяц – от апартаментов на Пятнадцатой линии и от загородного дома во Всеволожске, такого же, в общем, пустого, как и городская квартира. Ко всем трем связкам ключей имелось приложение в виде субботней ночи с водкой и огурцами, тренажерного зала в четверг и боксерского спарринга во вторник. Еще тогда, в их первую встречу, Никита проговорился Корабельникoffу о первом разряде по боксу.

Их субботние ночи нельзя было назвать попойками. Конфиденциальным мужским попойкам обычно сопутствует бесконечный и однообразно-утомительный разговор о жизни и

о том, что эту жизнь украшает, – бабы, карьера, деньги, собственная реализованность. Ничего такого в корабельничковской водке с огурцами не таилось. Ни единого слова, кроме коротких междометий. Никаких прорывов – ни в прошлое, ни в настоящее. Молчание, молчание, молчание. Очевидно, январских Никитиных откровений Корабельничкову хватило с головой. За несколько часов он сумел прочитать Никиту как книгу – до последней страницы, на которой указан тираж. Но почему-то не отбросил ее, не сунул на полку, не всучил в качестве подарка кому-нибудь, а оставил при себе.

Странно, но Никита оказался тем немногим, что Корабельничков оставил при себе. В жизни главы компании вообще было мало личного: бесконечная работа, бесконечные поездки, масса деловых контактов, иногда (не чаще раза в месяц) – казино. В казино Корабельничков не особенно рисковал, и максимум, что мог себе позволить, – так это проигрыш в двести долларов. Впрочем, он и проигрывал-то редко, и ставки делал без всякого азарта. Зачем ходить в таком случае в казино – Никита не понимал. Зато было понятно другое – посещение дорогих ресторанов; но даже это Корабельничков делал через губу – рестораны были частью работы, местом, куда можно привести людей, в которых ты заинтересован. Любимого кабака у него тоже не было. Скоро, очень скоро, Никита понял, что Корабельничкова вообще мало что интересует – даже собственное процветающее производство. Что весь этот каторжный, полуинтеллектуальный-полуфизический труд, от которого мозги вздуваются от напряжения, как вены на шее, весь этот труд – только способ занять себя. Двадцать четыре часа в сутки думать лишь о том, чтобы занять себя... Тут и свихнуться недолго. Но ты не свихнешься, иногда думал Никита, исподтишка рассматривая чеканный профиль хозяина. На фоне бронированных стекол он выглядел внушительно – ни дать ни взять гангстер из нежнейших черно-белых «Ангелов с грязными лицами»... Но никаких других гангстерских атрибутов, кроме профиля и бронированного стекла на «мерсе», у Корабельничкова не было. И телохранителей тоже не было.

Корабельничков не приветствовал институт телохранителей в принципе.

– Если тебя захотят убить – тебя убьют, – как-то меланхолично сказал он Никите. – На очке достанут со спущенными штанами. И никто не поможет...

Ну, тебя не убьют. Ты сам кого хочешь убережешь.

– Боишься? – спросил он Никиту в другой раз. – Если что, я ведь тебя за собой потяну... Контрольный выстрел – это потом, для очистки совести. А вначале – грязная работа...

– Не боюсь, – ответил Никита. – Затем и...

– Знаю, что затем и работаешь, – Корабельничков осклабился, обнажив шикарные, мертво-блестящие фарфоровые зубы.

Как спарринг-партнер в боксе Корабельничков был безупречен. Несмотря на возраст, он обладал молодой и почти мгновенной реакцией. И пушечным ударом. В первую же тренировку он отделал все позабывшего Никиту, как щенка, без всякой жалости, без всякого сострадания. Истерично и как-то по-мальчишески. Да, так начищать физиономии могут только в окаянном закомплексованном отрочестве.

– А ты как думал, брат Никита?

– Так и думал, – промычал Никита, ощупывая свороченную скулу. – Морды бить нужно по правилам...

– Все верно. Морды бить нужно по правилам.

Кто бы говорил! Никаких правил для Корабельничкова не существовало: пока добредешь до вершины, чтобы водрузить на ней флаг собственного успеха, все правила позабудешь. Или другие выколотят – такие же соискатели в ненадежной альпинистской связке.

Ни тенью, ни псом хозяина Никита не стал. Да и сам Корабельничков не потерпел бы этого. Вопросы личной преданности его не интересовали – редкий случай для русского менталитета, возвращенного на вероломных византийских костях. Похоже было, что Корабельничков вообще как чумы боится и преданности, и верности, да и простейших проявлений души

тоже. Работать, молчать и так же молча вершить судьбы – ничего другого он не умел. Или не хотел уметь. Или забыл, как это делается. Даже любовницы у него не было, самой завалящей. С таким отношением к жизни он прекрасно вписался бы в архитектуру тибетского монастыря, линию на руке Будды, в скит отшельника – с водой в грубой миске и плодами тутового дерева на грубо сколоченном столе. Но скит Корабельникоффу с успехом заменяла собственная, динамично развивающаяся компания. А инжир и воду – огурцы и водка. И то раз в неделю, не чаще.

Никита много думал о Корабельникоффе. Обкрадывая тем самым мысли об Инге и Никите-младшем; это воровство было безотчетным, чем-то напоминающим kleптоманию. Но, в отличие от kleптомании, никакого удовлетворения оно не приносило. Хуже не придумаешь, чем вопросы без всякой надежды на ответ. Будь фигура Корабельникоффа чуть яснее, чуть трагичнее, Никита решил бы, что в хозяине произошел какой-то слом – когда-то давно, а может быть, и не очень; и слом этот был сродни его собственному. Но Корабельникофф всегда был закрыт и ровен, ровен и закрыт, он очень грамотно защищался – и не только в спарринг-боях. Ни единой бреши в идеально построенной линии обороны не было.

До поры до времени, как оказалось.

Поздней весной кольцо было прорвано, и от обороны остались одни воспоминания.

Корабельникофф влюбился. Влюбился так, как только и можно влюбиться с диагнозом «около пятидесяти» – страстно, отчаянно и безнадежно. В одну из апрельских суббот он отменил почти узаконенный водочный ритуал под молчание и огурцы. За четырехмесячный период это случилось впервые, и Никита насторожился. Еще больше он насторожился, когда питейная суббота вообще исчезла из их расписания, и ее заменила другая суббота – тренажерная. Она прибавилась к тренажерному четвергу. Теперь Корабельникофф до одури качался. В этом не было никакой необходимости – он и без того пребывал в отличной для своего возраста форме: ни одного лишнего грамма, об обрюзглости и речи быть не может, все предусмотрительно подтянуто – от кожи на лице до плоского, юношеского живота. А нарастить груды тупых мышц, вот так, не принимая стероиды, не представлялось возможным. Но, скорее всего, тупые мышцы были совсем не главным – главным было обвести вокруг пальца дату рождения в паспорте. И, глядя на патрона с беговой дорожки, Никита все гадал, – сколько же лет может быть этой неожиданной корабельникоффской напасти. Болезненные тридцать пять? Настороженные тридцать? Лживые двадцать семь?.. Не-ет... Даже ради двадцати семи Корабельникофф не стал бы так изводить себя. В двадцать семь мысли в прохладном амбаре черепной коробки благополучно дозревают до здорового практицизма. Если не сказать – цинизма. В двадцать семь уже неважно, как выглядит кандидат в любовники, гораздо более важен внешний вид его портмоне. И разумная (а чаще – неразумная) полнота здесь скорее приветствуется... Впрочем, портмоне, как и владелец, тоже может быть поджарым, в конце концов, для кредитных карточек нужно не так уж много места...

Вверх-вниз, вверх-вниз, промасленные потом оливковые руки... Вверх-вниз, вверх-вниз, в четверг на штанге было пятьдесят, сегодня – семьдесят... Судя по всему, пассивности никак не больше двадцати четырех, в этом возрасте ценится хорошее тело, а бойфрендов подбирают, следуя указаниям «Анатомического атласа». И результатам тестов в безмозглых глянцевах журналах.

Ей оказалось двадцать три.

Ей оказалось двадцать три, и Никита прощелкал ее появление. По-другому и быть не могло: водительское кресло, расположенное на галерке, резко сужает кругозор. Корабельникофф наткнулся на губительные двадцать три совершенно случайно, в недавно открывшемся кабаке «Amazonian Blue». Ничего экзотичного, кроме названия, в этой псевдоэтнической забегаловке не было, даже кухня оказалась расплывчатой, подсмотренной в справочнике «1000 рецептов».

Ни то ни се.

Но в довесок к сварганенному спустя рукава «чилес рессенос»¹ предлагался живой звук. Квintет декоративных индейцев с пан-флейтами и смуглыми гитарами. И профилями ацтекских богов с труднопроизносимыми именами. Корабельникoff заскочил в «Amazonian Blue» купить сигарет – ни одного ларька поблизости не было, а ждать до следующего перекрестка он не хотел. Типично корабельникoffская мальчишеская нетерпимость и мальчишеское же самодурство. С точно такой нетерпимостью и самодурством он продвигался на рынок – не собираясь ждать до следующего перекрестка, уставленного самой разнообразной пивной тарой.

Ока не послал за сигаретами Никиту, что было бы естественным, а отправился за ними сам. Что было неестественным, но единственно верным и единственно возможным в ходе открывшихся впоследствии двадцати трех... А двадцать три уже поджидали простака Корабельникoffа, меланхолично сидя в укрытии и изредка нашептывая признания в охотничий рожок.

Тембр рожка оказался самым подходящим: ничем не замутненный, почти детский альт. Исполнять таким целомудренным, таким католическим голосом полную косматых языческих страстей «Navio negreiro» было почти преступлением, но Корабельникoff закрыл на это глаза. С чем, с чем, а с преступлениями он умел договариваться. Или – просто забывать о них: подумаешь, невинные экономические шалости периода первоначального накопления капитала...

Покупка сигарет затянулась на два часа, по прошествии которых Корабельникoff выполз из «Amazonian Blue», на автопилоте открыл дверцу и на таком же автопилоте плюхнулся на сиденье рядом с Никитой. Поначалу Никита решил, что хозяин вусмерть надрался, но это относилось скорее к необычному состоянию, в котором пребывал Корабельникoff. Таким своего босса Никита до сих пор не видел и потому воспользовался самой примитивной классификацией: надрался, паразит. Но все оказалось гораздо плачевнее, чем сиюминутное и скоропреходящее опьянение.

– Дай закурить, – рыкнул Корабельникoff Никите.

Никита даже не успел удивиться вопросу и по инерции сказал:

– У меня только «Союз – Аполлон»...

Представить Корабельникoffа, курящего подванивающий сорной травой «Союз – Аполлон», было так же трудно, как представить утконоса в скафандре водолаза-глубоководника. И на что, спрашивается, были потрачены два часа в подметном кабаке?..

– Один черт...

Корабельникoff рассеянно взял сигарету из протянутой Никитой пачки, рассеянно затянулся. И так же рассеянно выпустил дым из ноздрей.

– Я женюсь, – сказал он, когда дым окончательно забил салон.

«Я женюсь», слетевшее с губ Корабельникoffа, – это был даже не утконос в скафандре водолаза-глубоководника.

Нонсенс. Полнейшая чепуха.

– Поздравляю, – выдавил из себя Никита. – И кто она?

Вопрос, некорректный для шофера, но вполне уместный для субботнего молчаливого собутельника. Именно воспоминание о субботе и придало Никите смелости.

– Не знаю, – обрубил Корабельникoff.

Интересное кино.

– Не знаю... Но точно знаю, что женюсь...

Уж не в только ли что покинутом кабаке располагается алтарь, на который преуспевающий Ока Алексеевич готов бросить свою жизнь?..

---

¹ Фаршированный сладкий перец.

Как показало ближайшее будущее, алтарь располагался именно там. Украшенный облупившимися гипсовыми распятиями, бумажными цветами и тонкими, сгорающими за минуту свечками. Все – аляповатое, несерьезное, взятое напрокат в дешевой базарной лавчонке.

Корабельникофф зачастил в «Amazonian Blue», как ярый прихожанин на церковную службу, – да что там, он почти не вылезал из нелепого ресторана. И всему виной оказалась копеечная певичка с плохим, считанным с листа русскими буквами испанским языком. И репертуаром, состоящим из десятка песенок. Сценическое имя певички было чересчур бутафорским даже для «Amazonian Blue» – Лотойя-Мануэла. В жизни же она откликлась на простецкое Марина.

Никита был впервые допущен к телу Марины-Лотойи-Мануэлы через две недели после случившегося с Корабельникоффым любовного несчастья. Неизвестно, какая вожжа попала под хвост патрону, но в одно из посещений «Amazonian Blue» он взял Никиту с собой.

Внутрь кабака.

Это было равносильно тому, что оказаться в глубине одинокой и встревоженной корабельникоффской души. До сих пор об этом и речи быть не могло; до сих пор корабельникоффскую душу охраняли минные поля, рвы и брустверы. И вот – пожалуйста...

Корабельникофф и Никита заняли ближний к небольшой сцене столик; на столике уже стояла табличка «зарезервирован» – Корабельникоффа здесь ждали. За две недели он успел приручить персонал – не иначе как щедрыми чаевыми.

Еще какими щедрыми, мигнул вышколенной улыбкой метрдотель. Еще какими щедрыми, мигнул вышколенным пробормотом официант. Еще какими щедрыми, мигнула вышколенной прохладой бутылка «Chateau Rieussec». Мигнула персонально Никите, поскольку сам Корабельникофф от вина отказался. Он молча потягивал сиротский стакан минералки.

И ждал.

Она появилась тогда, когда ожидание в сломанных корабельникоффских бровях достигло критической отметки. Никите оставалось только пожалеть пятерку выписанных из пампасов латиноамерикашек с их гитарками и гортанным клекотом. Все зажигательные *carason*² увядали, стоило только первым их тактам приблизиться к столу, за которым сидели Корабельникофф и Никита. Наконец попытка «Така takata» закончилась, и действие плавно перетекло к «Navio negreiro» – захватанной визитной карточке Марины-Лотойи-Мануэлы.

Для начала на маленькой эстрадке погасли софиты, до этого равнодушно шарившие по маслянистым макушкам латиносов. Потом появились два тонких луча, скрестившихся на самом центре, и Никите на секунду показалось, что лучи эти – всего лишь нестерпимый, ослепительный, обжигающе-холодный свет глаз Корабельникоффа.

Впрочем, так оно и было.

Корабельникофф пожирал эстрадку глазами. Как в детстве – восхитительно-чужой перочинный нож с пятнадцатью лезвиями. Как в юности – восхитительно-чужую длинноногую и короткостриженую подружку. Так можно пожирать глазами все, что не принадлежит тебе. И никогда не будет принадлежать. Или – будет?.. При условии, что ты – почти всемогущий Корабельникофф... Но почти всемогущего больше не было. Его не стало, как только в спертom воздухе «Amazonian Blue» разлились первые, еще осторожные звуки «Navio negreiro». Следом за этими, почтительно склонившими голову звуками, прошествовал голос. «Ничего особенного, – тотчас же решил Никита, – ничего. Вот только откуда такая спесь, тоже мне, Монтсеррат Кабалье!...»

Но Корабельникофф был явно другого мнения о голосе. И о его владелице – тоже.

Она появилась лишь спустя минуту, когда чертова *carason* благополучно выбралась из первого куплета. Медноволосая, медноглазая, с оливковой кожей. Вот именно – оливковой.

---

² Песня (исп.).

Тот самый вариант, который Никита терпеть не мог, – оливки с анчоусами. И Марину-Лотойю-Мануэлу невзлюбил сразу же, скажите пожалуйста, какая фифа! А всего-то и радости, что вставной номер в кабаке для пьющего и жрущего миддл-класса...

Но с мнением Никиты никто и считаться не будет, его номер – пятый, его кресло – приставное, его место – на параше, пусть и оснащенной самой передовой сантехникой... Огрызок «Navio pegreiro», состоявший из двух куплетов и припева в стиле «умца-умца-гоп-со-смыком», Никита посвятил изучению неожиданной корабельникоффской пассии. Нет, не конкретно ей – с певичкой все было ясно с самого начала, – а тому ощущению опасности, которое исходило от нее.

Смертельной опасности.

В чем, в чем, а в «смертельном» Никита разбирался. Он слишком давно стоял на краю пропасти, он слишком долго заглядывал в нее, он изучил все повадки смерти. Вот и сейчас – глядя на певичку и на ее чистый, сладковато-трупный, полуразложившийся голос, петлей обвивающий крепкую шею патрона, Никита сказал сам себе: «Кранты тебе, Ока Алексеевич. Она тебя в могилу загонит, как два пальца об асфальт...» Финал был ясен как день, во всяком случае – для Никиты, вот только кривая дорожка к этому финалу не просматривалась. Да и с чего бы ей просматриваться, никаких поводов к этому Корабельникофф не давал, совсем напротив. Завидный женишок с хорошо поставленным бизнесом, с хорошо развитыми хватательными рефлексам, с хорошо натренированным телом... Да и возраст самый подходящий, лишь слегка припорошенный благородной патиной. В этом возрасте не только детей наплодить можно, но и на ноги их поставить, и внуков дожидаться при хорошем раскладе.

И все же, все же...

Мнимая удавка на шее Корабельникоффа затянулась ту же и заставила Никиту поежиться. Он даже затряс головой, чтобы сбросить с себя наваждение. Но это помогло ненадолго, а точнее – на пять минут. Ровно через пять минут Марина-Лотойя-Мануэла оказалась за их столиком, в непосредственной близости от осоловевшего от любви пивного барона.

– Познакомьтесь, Мариночка, – придушенным голосом сказал Корабельникофф. – Это – Никита. Мой ангел-хранитель...

Никита даже не удивился столь неожиданным, с барского плеча брошенным погоням ангела-хранителя. В конце концов, это была чистая правда: не дал Корабельникоффу загнуться в свое время, протянул руку помощи едва не окочивившемуся бедолаге. Удивило его другое: Корабельникофф так хотел понравиться чертовой Мариночке, что легко расстался с кондовыми терминами, бросающими тень на его византийское, мать его, величие. Не задрыга личный шофер, каких миллионы, – но ангел-хранитель; не банальный представительский «мерс», каких десятки тысяч, – но Ноев ковчег; не занюханная пивная империя, каких тысячи, – но римский протекторат. Со всеми вытекающими.

Дурилка ты картонная, Ока Алексеевич, что тут еще сказать!

– Марина, – голос певички при ближайшем рассмотрении оказался совсем другим: не таким уж детским и не таким уж невинным.

Да и глаза... На двадцать три они никак не тянули. Что-то в них такое было... Глаза отставной шлюхи, напичканной татуировками рецидивистки, залетной киллерши и то выглядели бы невиннее... А эти глаза видели Никиту насквозь, со всеми его невнятными опасениями.

«Не влезай, убьет», – нежно просемафорили Мариночкины ресницы. И от этой нежности у Никиты взмок затылок и едва не хрустнули шейные позвонки.

– Очень приятно, – пробубнил Никита, прислушиваясь к чуть уловимому треску в шее.

– Мне тоже, – фальшиво улыбнулась Марина-Лотойя-Мануэла, обнажив крупные породистые зубы.

«Такими зубами только колючую проволоку перекусывать, Мариночка! Только консервные банки вскрывать. В собачьих боях тебе бы не было равных...»

– Вы позволите? – глупо засуетился Корабельникoff, разливая вино по бокалам.

– Да, конечно...

На бокал Мариночка даже не посмотрела, она продолжала изучать Никиту. А Никита продолжал изучать ее. И чем больше он вглядывался в это почти совершенное лицо, тем больше терялся в догадках: как могло случиться такое, что венцом его карьеры оказался третьеразрядный кабачишко? Оно могло бы украсить обложку любого журнала, могло стать мечтой любого крема от морщин, резко продвинуть на рынок любую косметическую фирму, любой модельный дом... А вместо этого – «Navio negreiro», умца-умца-гоп-со-смыком... Может, это всего лишь промежуточная остановка, грозовой перевал?..

Фигушки.

Такие лица не терпят промежуточных остановок. Они не бывают пешками, рвущимися в ферзи. Они – ферзи по определению. Они не прилагают никаких усилий, они похрустывают жизнью, как кисло-сладкой антоновкой, а сама жизнь стелется перед ними травой, пляшет кандибобером...

– За вас, Мариночка, – произнес блеклый тост Корабельникoff.

Потом последовали не менее блеклые тосты за талант и красоту, потом – пара смешных анекдотов и один несмешной, а потом Корабельникoff удалился в туалет. И Мариночка с Никитой остались одни. Некоторое время они молчали.

– Я тебе не нравлюсь, – первой нарушила молчание Марина-Лотойя-Мануэла. – Активно.

– Я ничего не решаю, – дипломатично ушел от ответа Никита.

– А ему?

– А ему – нравишься, – скрывать очевидное не имело никакого смысла. – До поросычьего визга.

Мариночка улыбнулась Никите приторной улыбкой палача при исполнении: знай наших!

– Женится на мне, как думаешь?

– Женится, – промямлил Никита, удивляясь и восхищаясь Мариночкиному цинизму.

– Не вздумай вставлять мне палки в колеса, ангел-хранитель. Крылья оборву. И не только крылья...

Эта оборвет, и к гадалке ходить не надо.

– Ну ты и сука, – только и смог выговорить Никита.

– Только никому об этом не рассказывай.

– Никому – это кому?

– Ему, – Мариночка легко перегнулась через стол и ухватила Никиту за подбородок. Хватка была железной и бестрепетной.

Влип, влип хозяин, ничего не скажешь.

А лицо Мариночки вблизи оказалось почти отталкивающим в своем совершенстве. Идеальный разрез глаз, идеальная линия губ, идеальные крылья носа, идеальные, хорошо подогнанные скулы. Ни единой червоточки, лучшего надгробия для Оки Алексеевича Корабельникoffа и придумать невозможно. Лучшего склепа.

– Ты знаешь, что я сделаю первым же делом? Когда выйду замуж?

– Уволишь меня к чертовой матери... – Никита попытался высвободить подбородок. Тщетно.

– И не подумаю, – легко расставшись с Никитиным подбородком, Мариночка позволила себе не таясь и вполне плотоядно улыбнуться. – Наоборот, попрошу прибавить тебе жалованье.

– Широкий жест... С чего бы это?..

– Я ведь тебе не нравлюсь... Именно поэтому. Не так уж много людей, которым я не нравлюсь. И их я предпочитаю держать при себе...

– Довольно странно, ты не находишь?

– Совсем напротив, я нахожу это вполне естественным. Любовь расслабляет, и мускулы теряют упругость. А поддерживать форму способна только ненависть. И ты нужен мне как раз для того, чтобы не потерять форму.

– В качестве мальчика для битья? – хмыкнул Никита, холодея внутри от столь непритязательной железобетонной философии.

– Не совсем...

Но получить исчерпывающую информацию о своей дальнейшей судьбе Никите так и не удалось: вернулся Корабельникофф. И Никиту сразу же накрыло ударной волной душевной и отчаянной корабельникоффской страсти. «Эдак ты совсем умом тронешься, – меланхолично подумал Никита, – всю свою империю продашь за бесценок, за один только чих этой суки, за единственную ничего не значащую улыбку...» Больше всего ему хотелось сейчас встряхнуть хозяина, а лучше – долбануть ему в солнечное сплетение, а еще лучше – ткнуть мордой в остывшие «чилес рессенос»... Но, по зрелом размышлении, все это бесполезно.

Свои мозги не вложишь. И свои глаза не вставишь.

Корабельникофф с Никитой просидели в кабаке еще добрых два часа, ожидая, пока Марина-Лотоя-Мануэла исчерпает свой немудреный репертуар, после чего Корабельникофф вызвался проводить псевдобразильскую диву домой. Дива, потрянув медным водопадом волос, предложение приняла, иначе и быть не могло.

Жила она у черта на рогах, на проспекте Большеви́ков, в панельной девятиэтажной халупе, от которой за версту несло обездоленными бюджетниками и работягами, уволенными с карбюраторного завода по сокращению штатов. Никита остановил «Мерседес» у подъезда с покосившейся дверью и поставил пять баксов на то, что Корабельникофф поволочется в гости к Мариночке – на традиционно-двусмысленную чашку кофе.

Через минуту стало ясно, что гипотетические пять баксов сделали Никите ручкой.

Мариночка вовсе не горела желанием принимать у себя дорогого гостя, и Оке Алексеевичу пришлось довольствоваться целомудренным поцелуем в ладонь. Дождавшись, пока дива скроется в подъезде, он запрокинул голову вверх, к темному ноздреватому небу и неожиданно заорал:

– Эге-гей!

От мальчишеской полноты чувств, скорее всего.

– Что скажешь? – спросил Корабельникофф у Никиты, падая на сиденье.

А что тут скажешь?

– Красивая, – промычал Никита после верноподданнической паузы.

– Дурак ты, – беззлобно поправил его хозяин. – Не красивая, а любимая... Любимая... На «вы» и шепотом... Травой перед ней стелись. Ты понял?

– Чего уж не понять...

Корабельникофф сверкнул глазами, и Никита подумал было, что следующим будет тезис из серии «и не вздумай флиртовать, а то по стенке размажу». Но ничего подобного не произошло. Почему – Никита понял чуть позже. Дело заключалось в любви. Любви поздней, всепоглощающей и потому не оставляющей места не только для ревности, но и для всего остального. Кости раздроблены, диафрагма раздавлена, сердце – в хлам...

Как-то ты будешь со всем этим жить, Ока Алексеевич?

* * *

...Свадьбу сыграли в июне.

После свадьбы было венчание в Андреевском соборе и свадебное путешествие, растянувшееся на две недели. Никаких переговоров, никаких ежовых рукавиц для сотрудников,

никакого хлыста для производства – словом, ничего того, что составляло самую суть жизни пивного барона. Все это с успехом заменили праздная Венеция, крикливый Рим и великие флорентийцы, осмотренные мимоходом, между образцово-показательными глубокими поцелуями. Наплевать на дела – этот случай сам по себе был беспрецедентным, учитывая масштаб корабельникоффской империи и масштаб личности самого Оки Алексеевича. Впрочем, Никита подозревал, что с масштабом дело обстоит вовсе не так радужно. Влюбленный Корабельникофф после встречи с кабацкой бестией стремительно уменьшался в размерах. Теперь он вполне мог поместиться под пломбой Мариночкиного резца – так во всяком случае казалось Никите.

Ручной, совсем ручной – не бойцовый стафф, каким был совсем недавно, а жалкий пуделек... Карликовый пинчер. Тойтерьер. Болонка... Надо же, дерьмо какое.

Сама свадьба тоже оставила больше вопросов, чем ответов.

То есть прошла она на высоте, как и положено свадьбе влиятельного человека – с целыми составами подарков, с морем цветов и эскадроном из всех сил радующихся корабельникоффских друзей и подчиненных.

Не радовались только родственники певички.

По той простой причине, что их не было. Не было совсем. Нельзя же в самом деле считать родственниками пятерых латиносов из «Amazonian Blue». А кроме латиносов, коллективно откликающихся на имя Хуан-Гарсиа, – на церемонии со стороны невесты не присутствовал никто. С тем же успехом Марина-Лотоя-Мануэла могла пригласить раввина из синагоги или белоголового сипа из зоопарка – степень родства была примерно одинаковой.

Но Корабельникофф проглотил и латиносов, несмотря на то что от них крепко несло немывыми волосами и марихуаной. А крикливые, не первой свежести пончо вступили в явную конфронтацию со смокингами и вечерними платьями гостей.

Да что там латиносы – у Мариночки даже заваливающей подружки не оказалось! Ее роль со скрипом исполнила корабельникоффская же секретарша Нонна Багратионовна. А Никиту, совершенно неожиданно для него самого, Корабельникофф назначил шафером.

Прежде чем расписаться в акте торжественной регистрации, Никита бросил взгляд на подпись Марины Вячеславовны Палий, ныне Марины Вячеславовны Корабельниковой. И увидел то, что и должен был увидеть: твердый старательный почерк, даже излишне старательный. Буквы прописаны все до единой, ни одна не позабыта:

М. ПАЛИЙ (КОРАБЕЛЬНИКОВА).

Вот черт, ей и приноравливаться к новой фамилии не пришлось, в каждом штрихе – одинаковая, заученная надменность, тренировалась она, что ли?... И снова к Никите вернулось ощущение смертельной опасности, нависшей над хозяином, – теперь оно исходило от совершенно безобидного глянцевого листа: что-то здесь не так, совсем не так, совсем...

Это ощущение не оставляло его и во время попойки, устроенной Корабельникоффым в честь молодой жены. Попойка, как и следовало ожидать, проходила во все том же, навязшем в зубах и очумевшем от подобной чести «Amazonian Blue». Ради этого мероприятия хозяевам даже пришлось отступить от правил: место латиносов на эстрадке занял джаз-банд с широкополым, черно-белым ретрорепертуаром. Черно-белым, именно таким, какой Никита и любил. Упор делался на регтайм и блюзовые композиции – словом, на все то, что так нравится ностальгирующим по голоштанной юности любимцам фортуны. И Никите стало ясно, что рано или поздно Корабельникофф перекупит кабак, сожрет с потрохами, да еще и мемориальную табличку повесит на входе: «На колени, уроды! Здесь я впервые встретился со своей обожаемой женушкой...»

В самый разгар застолья Мариночка оказалась рядом с Никитой – вовсе не случайно, он это понимал, он видел, что круг, в центре которого он находился, все время сужается. Что-то, а расставлять силки новобрачная умела, и это касалось не только Корабельникоффа, но и жизни вообще. А Никита был осколком жизни, а значит, правила охоты распространялись и на него.

Впрочем, ничего другого Мариночке не оставалась – радость гостей выглядела фальшивой, и Лотойе-Мануэле (высочке, парвенюшке, приبلудной девке) заранее не прощали лакомый кусок, который удалось отхватить...

Смотри, не подавись, явственно читалось на подогретых дорогим алкоголем мужских и исполненных зависти женских лицах. Никита же, с его неприкрытой простецкой неприязнью, оказался просто подарком. Лучшим подарком на день бракосочетания. Именно об этом и сообщила ему Мариночка, чокаясь фужером с выдохшимся шампанским.

- Как хорошо, что ты есть, – бросила она абсолютно трезвым голосом.
- Жаль, что не могу сказать тебе то же самое... – не удержался Никита.
- Обожаю! Я тебя обожаю!..

И Никита сразу понял, что она не лжет. Ей нравилась бессильная и анемичная Никитина ненависть, она понравилась бы ей еще больше, если бы...

Если бы не была такой робкой в своих проявлениях.

– В гробу я видел. Тебя и твое обожание, – поморщился Никита, вперив взгляд в кольцо на Мариночкиной точеной шейке.

Прогнулся, прогнулся хозяин, ничего не скажешь! Платина и куча сидящих друг на друге бриллиантов, тысяч на двести пятьдесят потянет. «Зеленых». Такая вещичка хороша для культпоходов в персональный туалет и персональную сауну, и в койку к собственнику-мужу – на людях показываться в ней просто опасно. И вполтину меньшее количество баксов кого угодно спровоцирует. Мариночка же не стоила и десятой части этой суммы. И сотой.

– Знаю, знаю, – она читала немудреные мысли Никиты, как глухонемые читают по губам. – Я не стою и сотой части этого дурацкого кольца. Ты ведь это хочешь сказать, дорогой мой?

- Именно это.
- Удивительное единство мнений со всеми этим напыщенным сбродом. А мне наплевать.
- Еще бы...
- Давай! Вываливай все, что обо мне думаешь... – подначила Никиту молодая корабель-никоффская жена. – Другого случая может не представиться.
- Была охота...
- Тогда я сама, если ты не возражаешь...

Надо же, дерьмо какое! Никита хотел промолчать, и все же не удержался – уж слишком эффектной она была в этом своем, почти абсолютном, цинизме.

- Валяй, – пробормотал он.
- Хищница, – захохотала Мариночка.
- Ну, хищница – это громко сказано. Скорее стервятница. Гиена...
- Гиена?..

По ее лицу пробежала тень. Или это только показалось Никите?.. Мариночка тотчас же подняла регистр до вполне сочувственного хихиканья и, карикатурно подвывая в окончаниях, разразилась полудетским стишком:

Разве не презренна
Алчная гиена?
Разевает рот,
Мертвечину жрет...
Мудрому дано
Знать еще одно
Качество гиены:
Камень драгоценный
У нее в глазу,

Как бы на слезу
Крупную похожий.
Нет камней дороже,
Ибо тот, кто в рот
Камень сей берет,
Редкий дар имеет:
Ворожить умеет...

Стишок и вправду был полудетским, вполне невинным, похожим на считалочку, которую даже Никита-младший выучил бы без труда. Вот только самому Никите от такой считалочки стало нехорошо. Неприязательные словечки и такие же неприязательные рифмы хранили в себе зловещий, подернутый ряской смысл. Они были способны утянуть на дно омута; «утянуть на дно» – еще одно запретное словосочетание из их с Ингой омертвевшего лексикона. Виски Никиты неожиданно покрылись мелкими бисеринками пота, но самым удивительным было то, что точно такой же пот проступил на висках Мариночки. А лицо сделалось пергаментным, как будто сквозь девичьи, ничем не замутненные черты проступила другая, рано состарившаяся жизнь. Чтобы загнать ее обратно, певичке даже пришлось через силу влить в себя шампанское.

– Не бойся, ворожить я не умею...

– Я и не боюсь, – поежился Никита.

– Я – самая обыкновенная бескрылая проходимка. Прохиндейка. Корыстолюбка. Охотница за богатыми черепами.

Самая обыкновенная! Держи карман шире!.. Ничем другим, кроме ворожбы, объяснить внезапно вспыхнувшую страсть Корабельникова было нельзя. Ворожба, колдовство и даже костлявый призрак Вуду с отрубленными петушиными головами...

– Прямая и явная угроза, – он и понятия не имел, как эти слова сорвались с его губ: американские киноподелки, в отличие от нежного, старого, черно-белого кино, Никита терпеть не мог.

– Кому?

– Ему. Тому, кого ты называешь богатым черепом.

– Это вряд ли, – Мариночка неожиданно нахмурилась. – Это вряд ли... Я – не опасна. Прошли те времена, когда я была опасной.

– Решила начать все с чистой страницы? С белого листа? В который раз, позволь спросить?

И снова, сам того не ведая, Никита зашелестел пергаментными страницами прошлой Мариночкиной жизни. Безобидная и, в общем, примирительная фраза произвела на певичку странное впечатление. Да что там, странное – это было еще мягко сказано!

Близко придвинувшись к Никите, так близко, что его едва не обожгло огнем ее медно-рыжих глаз, Марина-Лотойя-Мануэла прошептала:

– В первый, дорогой мой. В первый...

– Ну и отлично. Я за тебя рад.

– А уж я как рада... Ты и представить себе не можешь...

Конечно же, она солгала ему. Но эта ложь вскрылась позже, много позже, а пока Никите ничего не оставалось, как мириться с ролью спасателя на мертвом озере. Спасателя, который никого не может спасти...

Это был единственный их разговор. Или – почти единственный.

Никита и думать забыл про его содержание, вот только чертов полустихок-полусчиталка довольно долго вертелся у него в голове. Слов он не запомнил, но запомнил ритм, похожий на заклинание... Или... Нет, Марина Корабельникова, в девичестве Палий, не заклинала, она предупреждала. И совсем не Никиту, Никита был мелкой сошкой, личным шофером, парнягой

для поручений, хранителем связки ключей, которые Корабельникоff позабыл забрать. Вовсе не Никиту Чинякова предупреждала Мариночка. Она предупреждала ангела-хранителя Корабельникоffа.

Будь начеку, ангел, я уже пришла.

Но Никита не внял предупреждению. Да и что бы он мог сказать хозяину, в самом деле? Будь осторожен, Ока Алексеевич? Молодая жена и муж в летах – это всего лишь персонажи анекдота в лучшем случае и герои криминальной хроники – в худшем. Но ни первое, ни второе не подходило – ни Корабельникоffу, ни самой Марине. Их отношения были сложнее. Намного сложнее. А может быть, проще – но этого Никита не знал. И так никогда и не узнал.

Все две недели, что just married³ провели в итальянском, заросшем веками и культурами цветнике, Никита гадал, что предпримет Мариночка. Забеременеет, заведет молодого любовника, придержит старого (или старых, пятерых Хуанов-Гарсия, к примеру) или начнет вытягивать у пивного простачка деньги на сольную карьеру в шоу-бизнесе. После длительных раздумий Никита остановился на сольной карьере. И поставил на нее теперь уже десять баксов.

И снова проиграл.

Ни о какой карьере Марина-Лотойя-Мануэла и не помышляла. Что было довольно странно, учитывая ее внешность, нестыдный голос (опять же, не Монтсеррат Кабалье и не Мария Каллас, но все же, все же) и почти мужскую хватку – как раз тот тип женщин, который Митенька Левитас емко характеризовал, как «баба с яйцами». Но яйца у Мариночки оказались с дефектом, ей нравилось быть мужней женой, вот и все. Понятие «мужняя жена», очевидно, распространялось только на койку. Во всем остальном Мариночка не преуспела. Шикарная квартира на Пятнадцатой линии по-прежнему была запущенной – как и во времена их с Корабельникоffым субботних бдений на кухне, – там не появилось ни одной новой вещи. Даже дурацких дамских безделушек не просматривалось, даже жалюзи на окнах не возникли (кроме разве что гобеленовых – в ожившей с появлением Мариночки корабельникоffской спальне), даже мебели не прибавилось. За исключением огромной, похожей на пустыню Кызылкум, кровати, которая с успехом заменила походную хозяйскую койку.

На этом полет дизайнерской мысли Мариночки закончился.

Остальная квартира по-прежнему сверкала голыми стеклопакетами и пыльной стерильностью комнат. Никаких занятий по шейпингу и фитнесу, никаких соляриев и косметических салонов, никаких бутиков, супермаркетов и прочих атрибутов кисло-сладкой новорусской жизни. Впрочем, об этой стороне жизни new-Корабельниковой Никита почти ничего не знал, да и стелиться травой ему тоже не пришлось. Теперь он имел дело только с самим хозяином, а драгоценная Мариночкина жизнь была доверена Эке. Корабельникоff, до этого сам стойко отказывавшийся от телохранителей, почему-то решил, что бодигард вовсе не мешает молодой жене. Для этих целей и был нанят истребитель-камикадзе с грузинским именем на бронированном фюзеляже. Женским именем, значит, все обстояло не так безоблачно, и ревность, пусть и скрытая, имела место быть, если уж Корабельникоff нанял для Мариночки женщину-телохранителя. Женщину, а не мужчину – береженого бог бережет. Эка была брошена к ногам Мариночки на пару с изящным новехоньким «Фольксвагеном Бора», стоившем сущие копейки по сравнению с платиновым колье. Ока Алексеевич отрыл ее в престижной школе телохранителей, которую Эка закончила первой ученицей в своей группе. Сертификат Э. А. Микеладзе был туго перетянут черным поясом по дзюдо, к нему же прилагалось звание мастера спорта по стендовой стрельбе. Коротко стриженная, сплетенная из сухожилий бретка Эка удивительно шла женственной Мариночке – впрочем, точно так же ей шли колье, туфли на шпильках, циничная улыбка и покровительственное обращение ко всем: «Дорогой мой». «Подлецу все к лицу», – сказал бы в этом случае Никитин приятель Левитас. К лицу

---

³ Молодожены (англ.).

Мариночки оказалась и маленькая прихоть праздной женщины: раз в неделю она пела во все том же «Amazonian Blue», в присутствии заметно высохшего от любви Корабельникоffа.

То, что хозяин сдал, Никита заметил не сразу. Вернее, он упустил момент, когда все это началось. Просто потому, что его общение с патроном сократилось до необходимого производственного минимума. Корабельникоff больше не нуждался в спарринг-партнерах. Бокс, тренажеры и прочие водочно-огуречные мужские радости были забыты, безжалостно выкинуты из жизни. Но Корабельникоff ни о чем не жалел, во всяком случае Никита возил на работу и с работы стопроцентно счастливого человека. Счастливого, несмотря на то что у молодцеватого Оки Алексеевича как-то разом поперли морщины, а седина стала абсолютной. Теперь он вовсе не казался всемогущим, и во всем его облике появилась почти библейская одряхлевшая усталость. Первой обратила на это внимание преданная Нонна Багратионовна, с которой Никита самым непостижимым для себя образом подружился в период ожидания патрона в имперском предбаннике.

Самое первое впечатление не обмануло Никиту. Нонна Багратионовна и вправду была научным работником – тяжелое наследие зачумленного советского прошлого. Всю свою сознательную жизнь она просидела в отделе редкой книги Публички, трясясь над фолиантами, и даже защитила диссертацию по никому не известному Гийому Нормандскому. Об этом Никита узнал на сто пятьдесят седьмой чашке кофе, распитой на пару с секретаршей.

На сто шестьдесят третьей на безоблачном горизонте пивоваренной компании «Корабельникоff» появилась Мариночка.

А на двести восемьдесят девятой состоялся весьма примечательный разговор.

– Вы должны что-то предпринять, Никита, – воззвала к Никите специалистка по Гийому Нормандскому, интеллигентно размешивая три куска рафинада в чашке.

– В каком смысле? – удивился Никита.

– А вы не понимаете? – Нонна Багратионовна понизила голос. – Ока Алексеевич...

– А что – Ока Алексеевич?

– Я бы никогда не рискнула обсуждать эту тему с вами... Из соображений, так сказать, этики... Но... Вы ведь не только шофер... И не столько... Но еще и доверенное лицо, насколько я понимаю...

О, господи, как же вы безнадежно отстали от времени, Нонна Багратионовна! Вся жизнь Корабельникоffа вертелась теперь только вокруг одного лица – наглой физиономии певички из кабака... И благодаря стараниям этой же физиономии Никита быстро был поставлен на место, соответствующее записи в трудовой книжке, – придатка к мерседесовскому рулю.

– Он очень сдал за последнее время, наш шеф... И я думаю... Я думаю... Не в последнюю очередь из-за этой стервы. Его нынешней жены.

Нынешней, вот как... Значит, была и бывшая? Но вдаваться в непролазные джунгли корабельникоffского прошлого Никита так и не решился – налегке и без всякого вооружения. И потому сосредоточился на настоящем.

– Вы полагаете, Нонна Багратионовна?

– А вы нет, Никита? Есть же у вас глаза в конце концов! Она его заездила.

– Заездила?

– Не прикидывайтесь дурачком, молодой человек. И не заставляйте меня называть вещи своими именами. Ну, как это теперь принято выражаться...

Никита смутился и от смущения выпалил совсем уж непотребное:

– Затрахала?

– Вот именно! – обрадовалась подсказке любительница утонченных средневековых аллегорий. – Затрахала. Она нимфоманка.

Слово «нимфоманка» было произнесено со священным ужасом, смешанным с такой же священной яростью, – ни дать ни взять приговор святой инквизиции перед сожжением еретика на костре.

– С чего вы взяли?

– Вижу. Вижу, что с ним происходит. С моим мужем произошло то же самое, когда он перебежал к такой вот... молоденькой стерве. А ведь мы с ним прожили двадцать пять лет. Душа в душу. И за какие-нибудь полтора месяца... Все двадцать пять – псу под хвост. Синдром стареющих мужчин, знаете ли...

– Так он ушел от вас?

– Сначала от меня, а потом вообще... ушел... Умер... А до этого полгода у меня деньги одалживал. На средства, повышающие потенцию. Идиот! А ведь мог бы прожить до ста, не напрягаясь...

И-да... Высохшее монашеское тело Нонны Багратионовны, больше похожее на готический барельеф, убивало всякую мысль о плотских наслаждениях, Гийом Нормандский был бы доволен своей подопечной. Рядом с таким телом, совершенно не напрягаясь, легко прожить даже не сто лет, а сто двадцать. Или сто пятьдесят.

– Вчера он отменил встречу, – продолжала вовсю откровенничать Нонна Багратионовна. – И все ради какого-то мюзикла, на который его Мариночка так жаждала попасть. Я сама заказывала билеты. Это ненормально, Никита, отказываться от деловой встречи из-за прихотей жены. При его-то положении, при его-то репутации. Я права?

Никита шмыгнул носом – обсуждать поведение хозяина ему не хотелось. При любом раскладе. И даже теперь, когда последняя фраза из «Касабланки», на которую он возлагал столько надежд, накрылась медным тазом.

– Мне она сразу не понравилась, эта девка. Типичная стяжательница.

– Охотница за богатыми черепами, – неожиданно вспомнил Никита фразу, оброненную Мариночкой.

– Вот видите! Вы тоже так думаете! Нужно принимать меры.

– Какие, интересно?

В глазах Нонны Багратионовны появился нездоровый блеск.

– Я много думала об этом... Она ведь совсем его не любит, эта девка. Всего-то и дала себе труд наложить лапу на мешок с деньгами. А он доверился ей как ребенок, право слово... Больно смотреть... Ах, что бы я только ни отдала, чтобы вывести ее на чистую воду! Но, к сожалению, это выше моих сил... Зато вы... Вы готовы принести себя в жертву, молодой человек?

– Я? – опешил Никита.

– Ну да... Заведите с ней интрижку. Вы – симпатичный, юный... Классический тип латинского любовника. Она не устоит. Пресыщенным самкам нравятся латинские любовники...

Латинский любовник – это было что-то новенькое. Во всяком случае, до сих пор Никита считал себя кем угодно, но только не брутальным мачо с плохо выбритым подбородком и чесночным запахом изо рта. Подобное сравнение могло родиться только в дистиллированных мозгах климактерички со стажем, коей, безусловно, дражайшая Нонна Багратионовна и являлась.

– Не тушуйтесь, Никита, – интимно придвинувшись, продолжила она. – Не вы первый, не вы последний. Расхожий сюжет...

Сюжет и правда был расхожим, вот только где именно могла почерпнуть его Нонна Багратионовна – в мумифицированном отделе редкой книги или в порнофильме о хозяйке особняка и мускулистом садовнике?.. Спрашивать об этом Никита не рискнул. Не рискнул он и откликнуться на экстравагантное предложение секретарши. И тема завяла сама собой.

Впрочем, она еще отозвалась эхом недели через две, когда Никита заехал на Пятнадцатую линию, чтобы передать Мариночке очередные билеты на очередной мюзикл – сам Корабельникофф застрял в Ленэкспо на выставке «Новые технологии в пивной промышленности».

Дверь открыла Эка. Открыла после того, как он совсем уж собрался уходить, протерзав звонок контрольных три минуты. При виде сумрачной телохранительницы Никита, как обычно, оробел. С самого начала их отношения не заладились, если несколько совместных посиделок в «Amazonian Blue» можно назвать отношениями. До сегодняшнего дня они не перебрались и парой фраз, и Эка вовсе не собиралась отступать от традиции. Она лишь дала себе труд осмотреть Никиту, отчего тот скусился еще больше. Под антрацитовым, не пропускающим свет взглядом Эки Никита почувствовал себя, как в оптическом прицеле снайперской винтовки, и даже испытал непреодолимое желание покаяться в грехах, как и положено приговоренному к смерти. Но вместо этого пробухтел невразумительное:

– Я по поручению Оки Алексеевича... Здесь билеты...

Эка коротко кивнула. А Никита в очередной раз подумал: что же заставило ее заняться таким экзотическим ремеслом? Она была типичной грузинкой, но не той, утонченной, узкокостной, вдохновляющей поэтов, воров и виноделов, совсем напротив. Ей бы на чайных плантациях корячиться в черном платке по самые брови; ей бы коз доить и лозу подвязывать, а в перерывах между этими черноземными занятиями выплевывать из лона детей – тех самых, которые станут впоследствии поэтами, ворами и виноделами. И полюбят уже совсем других женщин – утонченных и узкокостных... И вот, пожалуйста, – телохранитель!..

Впрочем, о том, что Эка – телохранитель, напоминала теперь только кобура, пропущенная под мышкой. Из кобуры виднелась такая же антрацитовая, как и взгляд грузинки, рукоять пистолета, а на плечах болталась кожаная жилетка, натянутая прямо на голое тело. В любом другом случае Никита решил бы, что это очень эротично – жилетка на голое тело, вызывающе-четкий рельеф мускулов, спящих под смуглой кожей, и татуировка на левом предплечье – змея, кусающая себя за хвост. В любом другом – только не в этом. Эка была создана для того, чтобы влет, не целясь, расстреливать все непристойные желания. А мысль о том, что чересчур фривольный прикид не соответствует официальному статусу телохранителя, даже не пришла Никите в голову. А если бы и пришла – он списал бы это на жаркий и влажный питерский август.

Билеты перекочевали в ладонь Эки, и она коротко дернула подбородком, давая понять, что аудиенция закончена. Но дверь перед носом Никиты захлопнуться так и не успела: из недр квартиры раздался томный голос Мариночки:

– Кто там, дорогая моя?

– Шофер, – после секундной паузы возвестила Эка. Голос у нее оказался под стать мальчишеской стрижке – глухой и низкий.

Вот так. Шофер. Всяк сверчок знай свой шесток.

– Пусть войдет, – голос Мариночки стал еще более томным. Прямо королева-мать в тронном зале, по-другому и не скажешь.

По лицу Эки пробежала тень заметного неудовольствия, но тем не менее она посторонилась и пропустила Никиту в квартиру.

Никита вошел в знакомую до последней мелочи прихожую. Что ж, здесь ничего не изменилось, и в то же время изменилось все. Поначалу он даже не смог определить, чем вызваны столь разительные тектонические подвижки; это было похоже на детскую игру «Найди пять различий». Никита же не нашел ни одного – все вещи стояли на своих местах, даже традиционные ящики с пивом перекочевали сюда напрямик из прошлой зимы.

– Хочешь кофе, дорогой мой? – спросила Мариночка, увлекая Никиту на кухню.

– Хочу, – соврал Никита.

Никакого кофе ему не хотелось – нахлебался до изжоги гнуснейшего секретарского «Chibo»; но это был единственный повод просочиться на когда-то холостяцкую кухню, о которой у Никиты остались самые благостные воспоминания. Здесь, вдали от ада собственной жизни, он был почти счастлив.

Теперь от немудреного счастья остались рожки до ножки: некогда запущенное и разгильдяйское пространство кухни приобрело четко выраженную систему координат, на одной стороне которой устроилась Мариночка с кофемолкой «Bosch». На другой обосновалась Эка, подпирающая дверной косяк литым плечом. После некоторых колебаний Никита уселся на краешек табуретки – той самой, сидя на которой было так весело, так мрачно, так упоительно пить водку с Корабельникоффым.

Мариночка небрежно ссыпала кофе в турку, и по кухне расплылся острый пряный аромат. И только теперь Никита понял, что именно изменилось в доме.

Запах.

Одиночество Корабельникоффа пахло совсем по-другому. Старыми фотографиями, дешевыми ирисками, нагретыми на солнце сандалиями, бездымным порохом, дохлыми жуками в спичечном коробке – всем тем, чем забито любое уважающее себя мальчишеское детство. А Корабельникофф, несмотря на седины, состояние и пивную компанию собственного имени, до самого последнего времени оставался мальчишкой. И это тоже тащило Никиту в дом Корабельникоффа – как на аркане. Детство Никиты-младшего было похоже на корабельникоффское, даром что их разделяли десятки лет...

А с приходом Мариночки все это исчезло. И, похоже, навсегда.

Осев здесь, она забила все поры квартиры принадлежащими только ей запахами. Она рассовала их по углам, она ловко пометила территорию, и теперь все эти запахи, подобно минам-растяжкам, грозно предупреждали: «Не влезай – убьют». Нет, это были совсем не те традиционные запахи, которые шлейфом тянутся за любой женщиной. Не духи, не гели, не дезодоранты, не свежeweымытые волосы, не свежесшитые платья, совсем нет. Здесь пахло телом. Телом – и больше ничем. Родинками, кожей, потом, спермой, поцелуями, бритым лбом, искусанными губами, задохнувшимся в предвосхищении оргазма стоном. Этот запах вызывал самые порочные желания, толкал на самые безумные поступки, лишал сил и ускользал от возмездия. Но, странное дело, в столь первобытном, животном торжестве тела было что-то религиозное, в пору секту организовывать и молиться до одурения на фаллоимитатор. Никиту даже пот прошиб от такой термоядерной смеси борделя и исповедадьни. Но не ей же исповедоваться, медноволосой порно-аббатисе! В длиннющей футболке, с голыми стройными ногам. Никита вперился взглядом в эту проклятую футболку с целым выводком мультяшных щенков-далматинцев. Под футболкой ничего не было, Никита мог бы в этом поклясться – ничего, кроме бесстыже выпирающих сосков и такого же бесстыжего провала живота. Черт, когда-то давно, в счастливом, осененном Никитой-младшим прошлом, Инга тоже любила ходить в длинных футболках. Его футболках. Это теперь она носит глухие платья под ворот, снять которые можно разве что вместе с кожей... А когда-то... Когда-то в их спальне тоже пахло...

Нет, у них все было не так, совсем не так.

Любовь, вот что это было.

Здесь же любовью и не пахло. Во всяком случае той, в ласковых недрах которых рождаются Никиты-младшие...

Кофе и впрямь оказался отменным. Пока Никита пил его – маленькими глотками, смакуя и обжигаясь, Мариночка не спускала с него глаз. А потом произошло и вовсе неожиданное: она присела перед Никитой на корточки, по-хозяйски положила руки на колени и посмотрела на него снизу вверх.

– Хо-орошенький, – нараспев произнесла она. – Твоя жена дура. Или сука. Хотя одно не исключает другого...

Кофе сразу же загорчил и застрял в глотке: выходит, Мариночка пронюхала об истории его взаимоотношений с Ингой. Не иначе, как Корабельникoff сам рассказал ей об этом, – в жаркой полуночной койке, способной развязать любые языки.

– Ты встретил не ту женщину, дорогой мой! Вот если бы ты встретил меня...

Нет, она вовсе не соблазняла его, хотя любое слово, слетевшее с ее уст, можно было бы рассматривать как соблазнение, как искушение, – любое слово, любой жест, любую, ничего не значащую фразу. Почему он раньше не замечал этого? Или Мариночке вовсе не хотелось, чтобы он замечал? Н-да, Ока Алексеевич, ты еще наплачешься со своей маленькой женушкой...

– Будем считать, что я тебя встретил...

Черт, неужели это произнес он? Изменившимся щетинистым голосом похотливого самца? Латинского любовника, по выражению Нонны Багратионовны, будь она неладна... Внутренне ужасаясь, Никита скосил глаз на собственный пах, в котором наблюдалось теперь едва заметное шевеление. А ведь Мариночка не сделала ничего такого, чтобы спровоцировать этот процесс – столь же приятный, сколь и неконтролируемый.

А если бы сделала?

Черт, черт, черт... Сколько он не спал с женщинами? Вернее, сколько он не спал со своей собственной женой? С тех самых пор, как погиб Никита-младший... Нельзя сказать, что у него не возникало желания, – возникало... Робко маячило на горизонте, выглядывало из-за угла и тут же стыдливо уходило. Да, именно так. Оно выглядело порочным, недостойным – как обворовывание склепа, как танцы на могиле. И вот теперь – пожалуйста...

– Ну как кофе? – спросила Мариночка.

– Очень... Хороший...

Кровь отхлынула от Никитиных висков и через секунду переместилась в пах, вместе со всем остальным – печенью, селезенкой и сердцем. И дряблым умишком горного архара, чего уж тут скрывать. Не-ет... Нужно делать отсюда ноги. И немедленно...

– Я старалась. Тебе правда понравилось? – спросила Мариночка голосом, каким обычно спрашивают: «Тебе понравилось, как я сделала тебе минет?»

– Да, – сказал Никита голосом, каким обычно говорят: «Сделай это еще раз, дорогая».

– Я рада, – ее руки, до этого легкие и невесомые, отяжелели. – Ты даже представить себе не можешь, как я рада.

Впрочем, и сам Никита отяжелел. Он готов был пойти ко дну, ничего другого не оставалось: Инга целый год держала его на голодном пайке, – его, здорового мужика тридцати трех лет... Похоронила заживо, вырыла еще одну могилу – рядом с могилой Никиты-младшего... Как будто только у них погиб ребенок, сын... Как будто это не случается сплошь и рядом... Инга – сволочь, инквизиторша, давно пора ее бросить... Хорошая мысль – бросить... Инга сволочь, фригидная дрянь, монашка без четок и креста, а он, дурак, до сих пор не нашел себе женщину... А мог бы, мог... Ну и черт с ним, с нее и начну, с Мариночки... Пересплю с этой сытенькой сучкой, от нее не убудет... Плевать, что она сучка... Плевать, что она – жена патрона, он сам виноват, старый хрыч... Женился на молоденькой... А впрочем, это его дела... Это их дела... Так что, плевать, плевать, плевать...

Неизвестно, что произошло бы через пять минут, если бы не Эка.

Вернее, если бы не взгляд Эки. Никита почувствовал его спиной – холодный, полный равнодушия и расчетливости взгляд наемного убийцы. Хотя... Не таким уж равнодушным он был. И не таким холодным, судя по тому, как по взмокшему Никитину позвоночнику застучали капли пота. В любом случае наваждение прошло. И Никита перевел дух. И осторожно снял с коленей Мариночкины руки.

– Ну-у... Что еще не слава богу, дорогой мой? – надула губы Мариночка.

– Мне пора...

– Испугался? – Черт, она безошибочно просчитала траекторию и уперлась глазами в застывшую глыбу антрацита. – Если хочешь, она уйдет... Эка!..

В этой последней ее реплике было что-то вызывающее, какой-то скрытый, недоступный Никите смысл, и он сразу же почувствовал себя фигурой на чужой шахматной доске, эпизодом в чужой партии.

– Лучше уж я уйду, – сказал Никита.

Мариночка расхохоталась, и партия перешла в эндшпиль.

– А что так? – повела плечами она.

И аккуратно сняла руки с Никитиных колен. А потом снисходительно похлопала его по щеке. Щеку что-то кольнуло, и, спустя секунду, Никита сообразил, что это кольцо, болтавшееся на безымянном пальце. Дешевое колечко со стекляшкой вместо камня. Ни в какое сравнение не идущее с платиновым колье, которое было подарено на свадьбу влюбленным пингвином Корабельникоффым. Польское серебро с дутой пробой, какого навалом в любом сельпо с захватывающим дух ассортиментом: яблоки, селедка и такое вот серебро... А ведь оно было на Мариночке еще тогда, когда Никита впервые увидел ее в «Amazonian Blue». И на свадьбе тоже присутствовало. Черт знает что, даже на романтическое воспоминание не тянет, слишком уж непрезентабельно... Ни один влюбленный не подарит такую дешевку...

– Значит, уходишь?

– Пора. Хозяин ждет, – соврал Никита.

– Ну-ну, передавай ему привет.

– Обязательно...

Ни обиды, ни сожаления. Отказавшись от столь заманчивого предложения, Никита сразу же перестал представлять для Мариночки интерес.

...Он даже не помнил, как оказался на улице. Пыльный шелест разомлевшей на солнце листвы показался ему освежающим гулом прибоа, да и асфальт вовсе не плавился под ногами: после удушающе-страстной мышеловки, которую он только что покинул, даже Сахара выглядит раем земным.

Раем, адом...

Что-то странное происходило в доме, что-то странное... И это «странное» напрямую было связано с искусительницей Мариночкой. Нет, это было бы слишком просто... Искусительницы выют гнезда в сердце и в паху, но им и в голову не придет влезать в чужие головы и устраивать там генеральную уборку, попутно выкидывая дорогих людей – как никому не нужные, старые вещи.

Никита тотчас же попытался забыть – и о доме, и о Мариночке, но стоило ему только вставить ключ в замок зажигания и повернуть его, как, казалось бы, навсегда забытые строчки считалочки всплыли сами собой:

...Ибо тот, кто в рот
Камень сей берет,
Редкий дар имеет:
Ворожить умеет...

Камень... Стекляшка в дешевом серебре на безымянном пальце. Надо же, дерьмо какое!.. Нет, никогда... Никогда больше он не переступит порог этого дома!..

* * *

...Клятва была нарушена в сентябре.

Двенадцатого, если быть совсем уж точным. В день рождения Инги. Это был второй день рождения Инги без Никиты-младшего. И Никита совершенно забыл о нем. Потом он даже не мог объяснить себе, как это могло произойти. Обычно они праздновали его только вдвоем – Инга, Никита и Никита-младший. Странная традиция, прижившаяся в их доме вместе с рождением сына, связана с поездкой в маленький форт у Кронштадта. До форта они обычно добирались на стареньком катере Левитаса. Митенька салютовал святому семейству выстрелом пробки из бутылки шампанского и почтительно убирался из дня рождения. До самого вечера.

До самого вечера – только они и островок, выложенный красным потрескавшимся кирпичом. И Залив.

Ровно пять лет.

В куртках или в рубашках с коротким рукавом, в зависимости от погоды; с шашлыками, фотоаппаратом, с дурацкими воздушными шарами, с дурацкими колпаками, с дурацкими свистульками, с дурацкими играми, дурацкими счастливым смехом; с дурацкими свечками в дурацком покупном торте – их всегда было ровно четырнадцать: всего лишь повод, чтобы притянуть к себе Ингу и выдохнуть в мягкие волосы: «Ты у меня совсем девчонка, совсем... Ты всегда будешь девчонкой, сколько бы лет ни прошло...»

После смерти Никиты-младшего изменилось все. Никто больше не вспоминал о форте и о четырнадцати свечах, воткнутых в покупной торт. Скорее всего, и сам форт перестал существовать, ушел под воду, как ушел под воду их сын... Но Никита помнил, помнил – красные кирпичи, сине-зеленая вода и ощущение счастья.

Он помнил, весь год помнил, а потом забыл.

Тем более что вычеркнутый из календаря день рождения Инги заслонил день рождения Мариночки. Он тоже пришелся на двенадцатое, кто бы мог подумать. Никаких легкомысленных свистулек не предполагалось, все было монументально, даже к десятилетнему юбилею компании так не готовились. Если так и дальше пойдет, то вконец очумевший Корабельникoff вполне может объявить двенадцатое сентября нерабочим днем, с него станется.

Все утро Никита просидел у Нонны Багратионовны в ожидании босса. Секретарша была особенно не в духе и потому бросила в кофе не три куска сахара (как обычно), а четыре. Нина Багратионовна с яростью выдвигала и задвигала ящики своего стола, рылась в немногочисленных стопках документации. К тому же в пику «этой девке» облачилась в глухое черное платье, которое без всякой натяжки можно было назвать траурным. Никита сильно подозревал, что именно в этом платье она дефилировала на похоронах собственного мужа, сгоревшего в огне непосильных для него плотских утех.

– У этой девки день рождения, – заявила она, как только Никита переступил порог корабельникoffского предбанника.

– Да? Вот черт...

Для Никиты новостью стал совсем не факт дня рождения Мариночки, в гробу он видел Мариночку. Новостью для него стало то, что он забыл о дне рождения собственной жены. Забыл, и только сейчас вспомнил. Да и то благодаря ехидным стараниям корабельникoffской секретарши, никак с Ингой не связанным. «Надо бы что-то подарить Инге», – пронеслась в голове трусливая, заискивающая мысль. Что-то запоминающееся... Со значением... Что-то, что сможет их примирить... Немного грустное, но светлое... Мантую... Форт на Заливе... Обшарпанный лифт в доме Митеньки Левитаса, эскалатор метро, неудобный салон «девятки», последний ряд в «Колизее», – карту тех мест, где им так хотелось заниматься любовью... Но даже эта гипотетическая карта была связана с Никитой-младшим. И валялась сейчас, никому не нужная, среди его пазлов и книжек... Все, все было связано с Никитой-младшим... Но Никиты нет и никогда больше не будет, и потому мысль о подарке заранее обречена на провал, так, дрянное утешительство, не более... И все же, все же...

– Вот черт... Подарок все равно нужен, – вырвалось у Никиты.

Нонна Багратионовна уставилась на несостоявшегося латинского любовника с плохо скрытой ненавистью.

– И вы туда же, Никита? Ну ладно, все наши сошки с утра подарки несут... Шефу, поскольку эта девка вне досягаемости... Даже предположить не могла, что у нас в компании такое количество подхалимов... Но их еще можно понять, карьерные соображения... Но вы-то, вы-то!..

Подхалимов, надо же... Должно быть, Никита был единственным, кому Корабельникофф в открытую сказал: «Травой перед ней стелись...» Всем остальным оказалось достаточно прикрытых начальственных век. И демонстрации колье на свадебной вечеринке.

– Да вы не поняли, Нонна Багратионовна! У моей жены сегодня тоже день рождения.

Закаменевшее лицо секретарши смягчилось.

– Вот как? Передайте ей мои поздравления... Надеюсь, вам с женой повезло больше, чем Оке Алексеевичу... Надеюсь, что она...

«Надеюсь, что она не такая дрянь, как Мариночка», – хотела сказать Нонна Багратионовна. И не сказала.

«Что вы! У меня замечательная жена», – хотел сказать Никита. И не сказал. А сказал совсем другое, от чего, по здравом размышлении, стоило воздержаться, чтобы не накручивать Нонну еще больше.

– А вы-то что так переживаете, Нонна Багратионовна? Из-за дня рождения расстроились?

– Оставьте... Плевать мне на ее день рождения... В любом случае Ока ей презент преподнес еще тот!

– И какой же? – После шикарного свадебного колье Никиту не удивила бы даже вилла в Малибу, даже скромный островок на окраине Карибского моря.

– Улетает. Сегодня ночью. В Мюнхен, представьте себе... Очень вовремя.

– Неужели срослось? – поинтересовался Никита без всякого, впрочем, энтузиазма.

– Свершилось!..

Разговоры о Мюнхене шли уже давно. Корабельникоффу нужны были немецкие инвестиции, переговоры об этом начались за год до появления в компании Никиты, и вот, пожалуйста, все разрешилось в самый подходящий момент. Осененный Мариночкиным днем ангела.

О поездке в Мюнхен Никите сообщил и сам Корабельникофф. Спустя четыре часа, по дороге во Всеволожск, в загородный дом, где решено было пышно отметить столь знаменательное событие светским раутом с коктейлем и фейерверками. А еще раньше Никита забросил на Пятнадцатую линию целый ворох разнокалиберных свертков, оперативно сбившихся в кучу под лозунгом: «ясак от подчиненных». Для того чтобы перетащить их в квартиру, Никите пришлось сделать три ходки. Между первой и второй произошло странное событие, которому Никита, впрочем, не придавал никакого значения. Оно всплыло потом, много позже, когда судьбы многих людей сплелись в единый трагический клубок, да так и задохнулись в этом клубке, во всех этих петлях из жесткой шерсти. Кто знает, что бы произошло, если бы Никита все-таки задержался в доме на пятнадцать ничего не значащих минут, если бы он потянул за кончик нити, торчащей из клубка. Может быть, и самого клубка бы тогда не возникло?.. Но он сделал то, что сделал.

Вернее, не сделал ничего.

Подъезжая к Пятнадцатой линии, Никита нисколько не волновался. Мариночка с Экой уехали во Всеволожск еще утром: во всяком случае, именно такой информацией обладала вездесущая Нонна Багратионовна. Да и сам Корабельникофф подтвердил ее впоследствии, когда («не в службу, а в дружбу») попросил Никиту забросить подарки от сплоченного коллектива к себе на квартиру. Не тащить же их во Всеволожск, в самом деле! А Мариночке будет приятно найти их завтра... Или послезавтра... Когда они вернутся в Питер. «Ага, и под рождествен-

скую елку сложить все это дурно пахнущее великолепие, по носкам рассовать», – тотчас же подумал Никита, но от язвительного комментария воздержался.

Подарков накопилось прилично – слишком много людей хотели упрочить свое положение в компании таким немудреным способом. Да и за примером далеко ходить не надо было. Ушлый начальник отдела по маркетингу Леня Васенков получил место вице-президента только потому, что змея-Мариночка пару раз снисходительно повела хвостом в сторону его скабрёзных шуточек в узком кругу посвященных... Никита занес первую, оттягивающую руки партию в квартиру и сбросил ее в прихожей. Проходить дальше, в комнаты, не было никакого желания, в любом случае, Мариночка простит его за свалку едких верноподданнических отходов. Вот только...

Где-то в самой глубине, в недрах гулких корабельникоффских апартаментов, он услышал шорох. И что-то отдаленно напоминающее торопливые испуганные шаги. Несколько секунд Никита стоял, прислушиваясь.

Ничего.

Ничего и не могло быть. Тлетворный, бьющий в нос запах порока, свального греха, отправился за город вместе с владелицей, до Никиты доносились лишь слабые его отголоски. С самим Корабельникоффым он расстался полчаса назад, чтобы через полчаса снова встретиться, – их ждал Всеволоджск.

Никого и ничего. Просто показалось.

Тряхнув головой, Никита отправился за новой партией пакетов. И по дороге умудрился выронить один. Ничего страшного не произошло: под плотной вощенной бумагой оказалась одинокая роскошная орхидея в коробочке: есть же еще романтические души в насквозь пропитанной прагматизмом пивоваренной компании «Корабельникофф», кто бы мог подумать! Присев на корточки перед коробочкой, Никита принялся рассматривать дикий цветок. Он того стоил, честное слово! Орхидея и вправду была роскошной, неправдоподобно красивой и в то же время... Пугающей, что ли... Такие цветы никогда не дарят просто так, только – со значением. Когда хотят сказать чуть больше, чем сказано. Или – чем позволено сказать... Никита и сам обожал такие штучки – во времена, когда они с Ингой были счастливы... Господи, разве эти времена существовали когда-то? Если бы существовали, то этот цветок непременно бы их украсил. Крупные лепестки, похожие на застывшие языки белого пламени, – ни единого изъяна, ни единой червоточинки; на мертвенно-бледной плоти лепестков четко прорисовывались полосы. Так же, как и лепестки, они были совершенны. И – одинаковы; аккуратно огибая середину лепестка, они сходились в одной точке, у раскрытого, хищного зева. И это придавало растению сходство с животным. Опасным животным. Животным, которому наплевать на мелочовку типа мышей-полевок и без всякого повода впадающих в столбняк сусликов. Ему нужна добыча покрупнее. И поотчаяннее.

Мариночка...

Вот кто подойдет под это определение. Непременно подойдет.

Никита даже тихонько рассмеялся – дробным мстительным смешком. Интересно, кто отважился на такой дерзкий подарок? И будет ли он оценен по достоинству? Если да, то кресло под шустрягой Васенковым может покачнуться...

Чертова полосатая орхидея занимала воображение Никиты еще некоторое время – вплоть до моста Лейтенанта Шмидта, где он на двадцать минут застрял в пробке. Потом была пробка у Мариинского, потом – у Обводника. Следующие несколько заторов он преодолел уже в компании притихшего и торжественного Корабельникоффа.

Едва усевшись в машину, Корабельникофф вытащил из кармана плоскую коробку, открыл ее и помахал перед носом личного шофера.

– Ну как? Понравится ей, как думаешь?

Симпатыга-гарнитурчик, кольцо и сережки, младшие компаньоны приснопамятного платинового колье... Предел мечтаний тонкокостной продавщицы из ДЛТ, стриптизерши из потнучего ночного клубешника, начинающей шлюхи со Староневского... Альфа и омега расхожих представлений о шикарной жизни.

– Еще бы не понравилось, – пожал плечами Никита, вспомнив аляповатую стекляшку на безымянном пальце корабельникоффской жены. – Понравится. Обязательно.

– Не знаю...

В голосе шефа прозвучала никогда не слышанная Никитой робкая неуверенность семнадцатилетнего мальчишки, год экономившего на пирожках, чтобы купить возлюбленной цацку в ближайшем ювелирном.

– Да нет... Очень красиво... Она должна оценить...

– Должна... – вздохнул Корабельникофф. – Да нет... Я до сих пор не знаю, что она ценит, а что нет... Я до сих пор не знаю ее... До сих пор.

Никита даже слегка притормозил. Давненько он не слышал подобных откровений из уст Корабельникоффа. Если вообще когда-нибудь слышал.

– Вас интересует ее прошлое? – ляпнул он.

– Прошлое? – Корабельникофф нахмурился.

– Так трудно выяснить? У вас ведь шикарная служба безопасности, Ока Алексеевич... Все в ваших руках.

Пассаж о службе безопасности вырвался из Никиты сам собой, все предыдущие реплики Корабельникоффа не давали к нему никаких оснований. Хотя клиническая картина ясна: в анамнезе – нудный до оскомины и такой же до оскомины типичный комплекс порядочного человека, взявшего в жены деятельницу с улицы Красных фонарей. Кое-что в ее бурном прошлом просматривается, но знать всей правды он не хочет. И не захочет даже на плахе. А тут Никита с сердобольными советами, за которые и распять можно. Змей-искуситель, злодей-резонер. Вот он, коварный план Нонны Багратионовны, неуклюже вброшенный в реальность! Но осуществляет его не латинский любовник, готовый поиметь скучающую красотку прямо на клумбе с флоксами, а личный шофер, он же – ангел-хранитель по совместительству.

В упоминании о службе безопасности было что-то бабье, недостойное мужика (разве что – адвоката или поверенного в делах), и Никита смутился. Но еще раньше, чем Никита успел смутиться, Корабельникофф недобро уставился на него.

– При чем здесь служба безопасности?

– Ни при чем... – сразу же поджал вероломный хвост Никита. – Просто к слову пришлось... Если уж вас так волнует ее прошлое...

– Разве я хоть слово сказал о ее прошлом?

– Нет, но...

– Твое дело – за дорогой следить... – впервые Корабельникофф так откровенно указал Никите на его место в иерархии. Как раз в духе телохранительницы Эки.

Оправдываться было бессмысленно, и Никита замолчал. Молчал и Корабельникофф. И только после того, как они миновали указатель с надписью «ВСЕВОЛОЖСКИЙ РАЙОН», хозяин снова начал подавать признаки жизни.

– Обиделся? – спросил он у Никиты.

– Нет, – ответил Никита, и это была чистая правда. Никакой обиды, разве что – сожаление по поводу слепоты хозяина. Права, права, специалистка по Гиойму Нормандскому: «Свои глаза не вставишь».

– Отвезешь меня в аэропорт сегодня вечером – и два дня свободен. Приеду – поговорим о прибавке к жалованью...

Это было что-то новенькое. Еще ни разу Корабельникофф не заводил с ним разговор о повышении зарплаты. И только это внушало Никите надежду на особые отношения, выла-

мывающиеся из жестких рамок «начальник – подчиненный», «хозяин – шофер». Теперь, с появлением Мариночки, на особых отношениях можно было поставить крест. Корабельникофф небрежно выставил Никиту за дверь своей жизни и сразу же забыл о нем. А теперь вот вспомнил. И решил подсластить пилюлю.

– Я не просил о прибавке...

– Знаю. А зря. Хороший ты парень, Никита.

Скажи это Корабельникофф на исходе зимы или ранней весной – и эффект был бы совсем другим. Но Корабельникофф сказал это именно сейчас, впроброс, не вкладывая никаких смыслов. Не откровение, а фигура речи, не больше.

Пока Никита раздумывал над этим, они успели промахнуть Всеволожск и забраться на холм, который венчала церквушка, новенькая и блестящая, как облитый глазурью пряник. У церквушки дорога раздваивалась. Основная трасса шла в сторону Ладоги, а плохо заасфальтированный карман – направо. Именно в него и свернули Никита с Корабельникоффы. Здесь, на улице Горной, и находилась загородная резиденция Корабельникоффа, почти круглый год пустующая. Никита приезжал сюда раз или два и даже как-то умудрился заночевать, перебрав водки с охранником Толяном. Толик, молодой мужик лет двадцати семи, жил при доме постоянно. Лучшего места для безмозглого кобелька, коим Толян и являлся, придумать было невозможно. Из всех благ цивилизации, которыми был напичкан дом, Толян пользовался разве что спутниковой тарелкой, музыкальным центром и ванной. И гостевыми комнатами. А гости, судя по бугристым мышцам Толяна и такому же бугристому паху, не переводились.

Вернее, гости.

Одна из них была предложена Никите в качестве утешительного приза. И чтобы ночь не проходила напрасно, в ледяной одинокой постели. «Чтобы ни одна ночь не прошла напрасно» – это кредо было выдано Толяном после первой же рюмки. После второй Никита узнал, что Толян серьезно занимался бодибилдингом, потом некоторое время работал стриптизером в одном из ночных клубов, потом ему надоело корячиться перед «зажравшимся бабьем», да и место охранника подвернулось.

Очень кстати.

– Пускай теперь они передо мной корячатся, – добавил Толян. – Передо мной и подо мной.

После этой сакраментальной фразы Никите была представлена средней паршивости овца из оставшейся за кадром Толиковой отары. Овца даже проблеяла свое немудреное имя – тонким голоском девочки по вызову. Имя это Никита благополучно забыл через три секунды.

– Нравится девочка? – цинично поинтересовался Толян.

– Девочка как девочка, – также цинично ответил Никита.

– Это ты зря... Ничего ты в бабах не понимаешь, скажу я тебе...

Понимать особенно было нечего, нещадно вытравленный блонд, псевдофранцузская косметика, купленная на ближайшем блошином рынке, и довольно профессиональная имитация оргазма. Вкус у Толяна был еще тот.

– Свободна, – бросил Толян овце.

Овца моментально исчезла, напоследок обиженно покачав далекими от совершенства бедрами.

– Есть еще одна... Брюнеточка. Для себя берег... Но дорогому гостю...

Никита на дорогого гостя не тянул. Да и водки было выпито не так много, чтобы хватать друг друга за пуговицы и, отрывая соленой черемшой, пускаться в пространные разговоры о «зажравшемся бабье» и удовольствиях, с ними связанных. Скорее всего, дело заключалось в полнейшей уединенности загородного корабельникоффского дома. Эта уединенность была хороша для какого-нибудь теософа, философа, святого; для писателя-затворника, наконец. Но отнюдь не для жеребца-производителя, все извилины которого давно перекочевали

в мошонку. Отсюда – одноразовые девочки (других у Толяного безотказного и примитивного поршня не могло быть по определению). Отсюда такая неприкрытая радость от появления совершенно постороннего человека, привезшего в дом кипу одеял для спален и набор щипцов для камина. Будь Толян поумнее, из него мог бы выйти неплохой жиголо. Будь Толян не так ленив, ему бы не пришлось скучать за городом, охранники и в Питере нужны, в любой мало-мальски уважающей себя конторе. Но он был тем, кем был: праздным кобелишкой без особых претензий.

Впрочем, ближе к полуночи оказалось, что претензии у Толяна имеются. Да еще какие! Двухметровый бугаеподобный сторож оказался совсем неплохим видеолюбителем. Видеолюбителем своеобразным, что и следовало ожидать, исходя из его бурного прошлого, где все было связано исключительно с культом собственного тела. После неудачной попытки раскрутить Никиту на еще одну бутылку водки, а потом – на сеанс армрестлинга («Я, старик, таких гигантов пригибал, – карьеру было сделать, как два пальца об асфальт»), Толян перешел к тяжелой артиллерии.

Тяжелая артиллерия состояла из шести вэхээсок, которые охранник извлек из небольшого тайничка в кухонной стене. Для этого ему пришлось снять настенную тарелку, сработанную под раннего Пикассо, и вынуть небольшую дубовую панель.

– А к чему такие предосторожности? – вяло поинтересовался Никита.

И действительно, тайник за панелью больше подходил несправедливым трудом нажитым ценностям, или, на худой конец, – какому-нибудь противозаконному арсеналу. Но никак не гребаным видеокассетам, о содержании которых можно было судить по литому, лишенному всяких интеллигентских рефлексий телу охранника.

– Ну, мало ли... – прогундосил Толян. – А вдруг хозяева, мать их, неожиданно нагрянут...

– Что, и такое случается?

– Было пару раз... – охранник обнажил в улыбке крупные, безмятежно-белые зубы. – И не хозяин. Хозяйка...

– Да?

– Да нет... Ты не думай... Никаких адюльтеров. Я ж не дурак – сук рубить, на котором сижу.

Вот оно что! Значит, Мариночка навещала бунгало, и не единожды. А лоснящаяся физиономия охранника совершенно недвусмысленно намекала на цель этих визитов. Кобелишко только тем и занимался, что рубил сук, – ай, молодец! Выходит, не только латинские любовники под фламенко интересуют пресыщенную шлюху, но и такие вот блондинистые дуболомы с квадратной челюстью – под ирландскую джигу.

Пока Никита раздумывал над древней, как мир, природой женщин, Толян встряхнул кассеты на руке и отобрал четыре из шести. Две были благополучно водворены назад в тайничок, а четыре перекочевали на стол, поближе к водке и черемше. Толян щелкнул пультом, и на щелчок тотчас же отозвался средних размеров «SONY», укрепленный на кронштейне возле зарешеченного кухонного окна.

– Ну что, посмотрим? У меня такие девочки – закачаешься...

– Порнушка?

– Обижаешь. Эротика. Высокого класса. Сам снимал. Камера, конечно, хозяйская, кровать тоже, но сюжеты – мои...

Сам снимал, все ясно. Наверняка в одной из спален (а то сразу в нескольких). Сюжеты же, судя по всему, поставлялись прямо из койки.

– Ну че, смотрим?

Никита пожал плечами – ни «да», ни «нет». Но Толян истолковал это единственно верным для него образом – «да», и не иначе. «Да» и не иначе, как ответ на любой вопрос – счастливое заблуждение таких вот хорошо экипированных секс-машин. Да, да, да...

Больше Толян ни о чем не спрашивал Никиту: благодарный зритель не мытьем, так катаньем загнан в порнокинотеатрик, ему вручены полагающиеся случаю попкорн и пиво. Смотри и наслаждайся.

Особого удовольствия от первых кадров Никита не получил. От следующих – тоже. Впрочем, самоделка с потугами на софтверно не была лишена некоторого изящества, насколько вообще изящными могут быть такого рода культурфильмы. И главным в ней был не сам акт и даже не девочки, размазанные Толяном по кровати, а сам Толян. Вернее – его тело. Бодибилдинг на заре туманной юности и тренаж в стриптиз-клубе даром для доморощенного режиссера не прошли: филейные куски и голяжки, взятые напрокат из греческих залов Эрмитажа, были засняты со знанием дела. Но это же знание сыграло с Толяном злую шутку – картинка не заводила, Никиту во всяком случае. Да и кого может вдохновить столь неприкрытый нарциссизм?..

– Классно, да? – выдохнул Толян через минуту.

– Да уж... Большой мастер...

– Это ты в точку. Так что, спихнуть тебе брюнеточку? Не пожалеешь.

– Воздержусь.

– Ваще-то верно... – неожиданно легко согласился Толян. – Я б тебе ее и не отдал. Она – для меня... Такая девка... Та-акая... Делить ее можно только с господом богом... И то не факт, что он для нее хорош...

«...Та-акую девку» Никита все же увидел. Спустя полчаса, в ванной комнате, куда забрел, чтобы ополоснуть онемевшее от водки лицо. Сунув голову под струю холодной воды, он несколько секунд с наслаждением отфыркивался и потому не сразу услышал легкий шорох за спиной. Зато сразу почувствовал чей-то взгляд на затылке. На какую-то долю мгновения Никите даже показалось, что это Мариночка; из-за запаха, что ли? Вернее, его более резких, животных отголосков... Или Эка, только она так неподражаемо умела выпускать из глубины антрацитовых зрачков взгляды калибром 7,65.

Никита поднял голову и уставился в зеркало, висевшее над ванной. В самой его глубине хорошо просматривалась девушка.

Не Эка и не Мариночка.

Нечто среднее.

Нечто среднее между Экой и Мариночкой, хотя, безусловно, выдающееся.

Коротко стриженная брюнетка с темными глазами и смуглым ртом. И ослепительно белой кожей. Ее красота была универсальной и потому – пугающей. Такие отпадные девицы с одинаковой легкостью делают карьеру в модельных агентствах и в спецслужбах.

– Привет, – сказал Никита, глядя в зеркало.

– Привет, – сразу же отозвалась она.

– Я занял ванную... Извините.

– Ничего...

Оборачиваться Никита не спешил. Девушка его не торопила, терпеливо ждала у двери. А в чертовом зеркале, через которое он исподтишка все еще пялился на нее, проявлялись все новые и новые подробности. Она была просто великолепна, вне всякого сомнения, вот только красота ее казалась застигнутой врасплох. Никита и сам не мог объяснить себе это странное ощущение. Может быть, потом, когда он отдышится и волосы у него высохнут. Или девушка исчезнет из гладкой поверхности стекла. Или исчезнет вообще...

Врасплох.

Вот именно. Очень точное слово.

А девушка слишком хороша. И не только для Толяна. Но и для господ бога, пожалуй, тоже. Такую красоту даже хотеть нельзя. Даже думать о том, чтобы прикоснуться к ней рукой, отяжелевшей от желания. Никаких низменных мыслей. Только – смотреть и любоваться, прислушиваясь к ласковому холоду в висках. Интересно, как она оказалась здесь? Или греческой статуе все-таки удалось соблазнить мадонну из ближайшего зала «Искусство Испании XV–XVI веков»?..

Никита старательно закрутил кран, пригладил ладонями виски, в которых все еще гулял ласковый холод, и только тогда повернулся к девушке. Черт. Черт, черт...

Либо зеркало солгало ему, либо девушка успела подготовиться к встрече лицом к лицу. Та же белая кожа, тот же смуглый рот – но какая разительная перемена! Обыкновенная смазливица по сходной цене за десяток. Черная овца в пару белой овце, осенявшей кухню своими далекими от совершенства бедрами.

– Вы кто? – спросила девушка, глупо округлив рот – как и положено овце.

– А вы?

Теперь, следуя овечьей правде жизни, она должна так же глупо хихикнуть.

– Никто, – хихикнула девушка. – Просто в гости заглянула к знакомому парню.

– Я тоже... Заглянул...

Разговаривать больше было не о чем. Никита потрусил к выходу и на секунду – только на секунду! – задержался. Небольшая заминка, пародия на давку у двери: вдвоем им не разойтись. Теперь она была близко, слишком близко. Почти так же, как Мариночка, – тогда, на корабельникоффской кухне. Он вздрогнул, вспомнив одуряющий запах кофе и Мариночкины руки у себя на коленях. И красива она была почти так же, как жена шефа. Вот только красота Мариночки была красотой дьявола, красотой волка в овечьей шкуре. А здесь – здесь шкура и правду была овечьей.

Овца. Чертова овца.

Никита даже рассердился на себя. И на зеркало. И на девушку. Чего только с пьяных глаз не померещится. Вот что значит воздержание, надо же, дерьмо какое!..

...Он увидел ее еще раз рано утром, когда уезжал из всеволожского дома Корабельникоффа. Толян, очевидно, утомленный жаркой ночью в овечьем стаде, даже не вышел его проводить. И слава богу, таким ясным тихим утром полезно побыть в одиночестве.

В этом одиночестве Никита и простоял у дома минут двадцать, поеживаясь от утреннего холода. Ничего не скажешь, место для загородного дома выбрано неплохое. Да что там неплохое – отличное место! Дом стоял на горе, и добрый десяток террас, укрепленных соснами, туями и аккуратно подрезанным малинником, спускались на узкую заброшенную дорогу. С улицы дом казался обычным новорусским особняком, зато со стороны участка и заброшенной дороги... В нем было что-то итальянское, прогретое солнцем... Никита видел такие палаццо в Мантуе и – чуть позже – во Флоренции: изгороди, увитые плющом, посеревшие от времени решетки ворот, натуральный растрескавшийся камень, полный кузнечиков и воспоминаний...

К дому со стороны террас прибавили еще один этаж; маленькая итальянская тайна, недоступная улице. Этот – первый – этаж тоже был обложен камнем, плющом, кузнечиками и воспоминаниями. Вплотную к нему примыкала площадка – как раз в стиле внутреннего двора: небольшой фонтанчик и плетеные кресла, расставленные полукругом, поближе к журчащим струям. На креслах валялись соответствующие случаю пледы, глянцевого журналы и маленькие декоративные подушки – в таких креслах хорошо встречать старость, рассеянно глядя на сосновые иголки, перезревшую малину и туман.

Было тихо.

Так пронзительно тихо, как только и бывает поздним летом. А звук возник лишь потом; собственно, он и должен был возникнуть, и как только Никита забыл? Собака. Никита видел ее вчера, когда подъезжал к дому. Огромный кавказец по кличке Джек. Джек, как и Толян, жил

в загородном доме Корабельникоффа постоянно. Скорее всего, Ока Алексеевич приобрел его по случаю, уже взрослым, для охраны особняка. Днем кавказец дрых или лениво бегал вдоль тонкой, не ущемляющей собачьего достоинства проволоки, а ночью свободно перемещался по участку, отпугивая гипотетических непрошенных гостей. Встречаться с лохматым монстром Никите не хотелось, уж лучше обогнуть дом и вынырнуть у «мерса», припаркованного рядом с хозяйским гаражом. Раздумывая, как бы поэлегантнее это сделать, Никита машинально присел на ближайшее к фонтану кресло и так же машинально вытянул из-под задницы журнал. Журнал оказался на удивление не глянцевым, никакого намека на стероидный «Man's health» или овечий «Cosmopolitan», вполне серьезное академическое издание под таким же серьезным академическим названием «Вопросы культурологии». Страниц триста, никак не меньше. Представить, что подобную высокоинтеллектуальную лабуду читает Толян, было так же невозможно, как вообразить, что ее читает кавказец Джек. Или какая-нибудь пришедшая овца. Или сам Корабельникофф. Разве что – Нонна Багратионовна. Никита открыл журнал на середине и тотчас же наткнулся на знакомое до изжоги имя Гийома Нормандского. Вернее, журнал открылся сам – и все из-за закладки, которой служила узкая полоска фотографических негативов, кадров шесть-семь, навскидку и не скажешь точно. Но Гийом Нормандский – это показательно.

Нонна Багратионовна, никаких сомнений, любого другого, не столь продвинутого человека стошнит при одном упоминании благородного старофранцузского имени. Никита сразу же вспомнил разговор недельной давности, когда, в очередной раз вломившись в предбанник, застал Нонну, стоящую на коленях у шкафа с развороченными внутренностями: папками, подшивками, бюллетенями, рекламными проспектами. Секретарша рылась во всем этом полиграфическом великолепии и страшно нервничала.

– Что-нибудь потеряли, Нонна Багратионовна? – галантно осведомился Никита.

– Да нет, ничего особенного, – не сразу ответила Нонна. – Просто журнал куда-то сунула... Найти не могу, а там – Гийом, его последний глоссарий. С комментариями, между прочим, самого Микушевича... Кому он только мог понадобиться в этой богадельне... в этом филиале пивного бара... ума не приложу...

Имя «Микушевич» ни о чем не говорило Никите, должно быть, еще один интеллектуальный божок из пантеона прошлой жизни Нонны Багратионовны.

– И что за журнал?

Секретарша посмотрела на Никиту с сомнением.

– Ну, название вам ничего не скажет, не ваш профиль, дорогой мой... Да черт с ним, с журналом, хотя обидно, конечно...

Не черт с ним, совсем не черт! Нонна злилась по-настоящему, так злиться из-за пропечатанного петитом глоссария с комментариями никому и в голову не придет.

– Может быть, вам помочь в поисках, Нонна Багратионовна?

– Не стоит...

Она как будто устыдилась этого своего яростного напора и принялась сбрасывать папки и проспекты обратно в шкаф не глядя, что тоже никак не вязалось с ее почти немецкой аккуратностью: у каждой бумажки в ее хозяйстве существовало строго отведенное место, у каждой скрепки. И вот теперь – такое наплевательство, надо же!..

Никита сразу же позабыл об этом маленьком инциденте недельной давности и не вспомнил бы о нем никогда, если бы Гийом Нормандский с комментариями Микушевича сам не подал о себе весточку. И где – в вотчине Корабельникоффа!

Неужели секретарша-страстотерпица и здесь оставила свой унылый средневековый хвост? Вернее, позабыла его среди облегченной роскоши с стиле «евродизайн»...

Странно, Никите казалось, что Нонна Багратионовна никогда не бывала в загородном доме босса, не те отношения... Хотя кто знает – те или не те... Уж очень она расстроилась из-за мальчишески-скороспелой женитьбы патрона. Лучше в это не влезать, меньше знаешь –

крепче спишь. А журнал называется совсем не криминально, и слово «культурология» не такое уж сложное, чтобы совсем не поддаваться расшифровке... И какая только вожжа попала под хвост Нонне?..

Конечно же, он мог оставить журнал там, где нашел, – в плетеном кресле, приспособленном для праздного отдыха праздных людей, но никак не для изучения вопросов культурологии. Но чертова секретарша так убивалась по поводу пропавшего Гийома... Почему бы не порадовать ее счастливой находкой?

Никита свернул журнал в толстую трубку и сунул во внутренний карман летней куртки. Можно двигать к машине, да и собака, похоже, замолчала.

Но тишина оказалась обманчивой.

Никита убедился в этом, стоило ему только завернуть за угол дома. Джек жрал свой сухой корм не напрасно. Ох, не напрасно. Никиту встретили клыки, ощерившиеся всего лишь в полуметре: назвать это дружеской улыбкой не поворачивался язык.

– Пошел отсюда, – прошептал Никита голосом, моментально съехавшим до позорного дисканта. – Пошел, пошел...

Шепот Никиты не произвел на пса никакого впечатления, напротив, даже разозлил. Джек угрожающе зарычал, а Никита стал судорожно прикидывать, чем бы защититься. «Вопросам культурологии» не было бы равных в отпугивании мух и комаров, но как оружие против оголтелого кавказца они бесперспективны. То есть абсолютно бесперспективны... Никита никогда не задумывался, боится ли он собак, да и случая как-то не представлялось, да и смешно бояться – ему, взрослому мужику с кое-какой мускулатуркой, пусть и не сверхвыдающейся, но все же, все же... Но теперь он испугался. По-детски, до моментально взмокшего затылка. И жалкого потренькивания стеклянных внутренностей. Еще секунда – и чертов пес разнесет их в клочья. Вот только кто будет платить за бой посуды?..

– Бойтесь собак? – раздался чей-то насмешливый голос.

– Не боюсь, – Никита, загипнотизированный клыками кавказца, был не в состоянии даже посмотреть на неожиданного утреннего собеседника. Но уж не Толик, точно: голос был женским.

– Да ладно вам... Сейчас приведем мальчика в чувство.

«Приведем мальчика в чувство» – интересно, к кому это относится? К Джеку или к нему самому? Ответом на вопрос был легкий свист, отдаленно напоминающий художественный. Джек повернул на свист косматую голову, но рычать не перестал.

В любом случае Никита получил передышку.

Теперь можно было рассмотреть неожиданную спасительницу. Неожиданную во всех смыслах: это была та самая брюнетистая овца, с которой он столкнулся в ванной вчерашним вечером. Но теперь овца вела себя отнюдь не по-овечьи. Она присела на корточки и постучала по земле кончиками пальцев. И негромко рыкнула – Никита даже опешил от неожиданности. А Джек... Джек, очевидно, тоже испытал сходные эмоции. Во всяком случае, напрочь позабыв о Никите, он двинулся к девушке. Несколько секунд они смотрели друг на друга, но сути мизансцены Никита так и не понял: место ему досталось не слишком удачное, только и лицеизреть, что куцый хвост кавказца и упрямый лоб девчонки.

Этот-то упрямый лоб и сделал свое дело: Джек перестал рычать, тихонько заскулил, а потом случилось и вовсе невероятное. Пес, созданный для того, чтобы рвать на части зазевавшегося обывателя, подошел к девушке и ткнулся мордой ей в лицо.

И облизал его.

Брюнетка восприняла это как должное: она улыбнулась и потрепала Джека по загривку. А потом послала такую же улыбку Никите.

– Вот и все, – сказала она.

– Лихо, – только и смог выговорить Никита. – Вы всегда так умело договариваетесь?

– Всегда... С собаками – всегда. Не подбросите меня до города?

– До Питера?

– А что, поблизости есть еще какой-нибудь город?.. До Питера.

Ого, очевидно, отношения с Толяном не так безоблачны, если она выскочила из постели в такую рань и решила покинуть дом. Ведь Никита с хозяйским «мерсом» мог и не подвернуться...

– Конечно. Буду рад.

Радость было сомнительной, а вот любопытство – самым настоящим. Неприкрытым и искренним. Не так часто увидишь девуцу, легко и без единого выстрела справляющуюся с волкодавами.

– Вас как зовут? – спросил Никита, едва они миновали церквушку на горе.

– Это важно?

– Да нет... Просто я подумал...

– Джанго.

Это было похоже на собачью кличку. Настолько похоже, что Никита едва не выпустил руль и искоса взглянул на свою неожиданную спутницу.

– Не понял... Как?

– Джанго.

– Диковинное имя.

– Да уж какое есть...

А ведь ей, пожалуй, идет! Идет эта дерзкая кличка с сомнительным «о» в окончании. Идет – коротко стриженным темным волосам, едва прикрывающим череп; идет – черной футболке, сквозь которую просматривается маленькая грудь с крупными горошинами сосков; идет – бледным запястьям с полудетскими кожаными амулетами; идет – четкому мальчишескому профилю.

Профиль и правда был четким, и только теперь Никита понял, почему вчера ему на ум пришло это слово – «врасплох». Джанго была хороша и при свете дня, но овечьей красотой здесь и не пахло. То есть она хотела, чтобы пахло, вот именно – хотела. Она хотела прикинуться овцой – для всех без исключения. Кроме разве что зеркала, перед которым можно было расслабиться и показать свое истинное лицо – умное, волевое и бесконечно вероломное. Что-то подобное могли на пару слепить Мариночка с Экой, а здесь, пожалуйста, – все в одном флаконе. Но Джанго не повезло: в зеркале подзадержался Никита, который и увидел то, что не должен был видеть... А как играючи она справилась с кавказцем! Не-ет, такая девушка вряд ли может кому-то принадлежать, тем более – вшивому охраннику вшивого загородного дома.

– Вы дрессировщица? – аккуратно поинтересовался Никита.

– А что, похожа?

– Ну, в общем...

– Нет, я не дрессировщица. Хотя... В некотором роде...

В некотором роде! Да ты создана для того, чтобы укрощать жизнь. И все, что сопутствует этой жизни, – собак, людей, первый снег, ветер над заливом, журнал «Вопросы культурологии» с квелым эссе о Гийоме Нормандском...

– А вы – шофер хозяина дома... Я правильно поняла?

– Верно, – не стал отпираться Никита.

– Говорят, он недавно женился...

– Говорят.

– На молодой девушке, – голос Джанго вдруг стал глуше, и в нем отчетливо проскользнули влажные, частнособственнические нотки.

– Он и сам еще не старый...

– Да... Не старый, – она тотчас же укротила голос, как укротила собаку десять минут назад. Теперь в нем не было ничего, кроме вежливого равнодушия.

– А вы знакомы? – Никите не стоило задавать этот вопрос, и все же он не удержался.

– С кем?

– С Окой Алексеевичем... Или с его женой...

– Не имею чести.

Как же, как же, не имеешь чести! Эта честь и яйца выеденного не стоит, за эту честь ты и гроша медного не дашь, вон как ноздри раздуваются!

– Значит, вы подружка Толика?

Только теперь она повернулась к нему. И смешно сморщила нос.

– А что, не похожа?

– Нет, – честно признался Никита. – Уж слишком для него хороши.

– Я тоже так думаю... А для вас?

– Что – для меня?

– Для вас – не слишком?

Уж не флиртовать ли она с ним надумала? Ха-ха, сначала хозяйская Мариночка, теперь вот странная девушка по имени Джанго... Прямо паломничество какое-то... Хадж, ей-богу. К Никитиному сердцу, подозрительно смахивающему на отполированный вечностью священный камень Кааба. То ли у красивых девушек под занавес лета плавают мозги, то ли тип прянично-латинского миндалевидного любовника популярен гораздо больше, чем Никита предполагал.

– Для вас – не слишком? – она все еще ждала ответа.

– И для меня – слишком.

– Да вы не волнуйтесь так, – с готовностью рассмеялась девушка. – Никто не собирается вонзать клыки в вашу семейную жизнь.

Никита перехватил цепкий взгляд Джанго, устремленный на его слегка потертую, слегка сморщившуюся от потерь обручалку.

«А никто и не волнуется, дорогая, никто особенно и не волнуется... Разве что твой взгляд настораживает – из их придонного карего ила так и прет едва заметная желтизна: почти такая же, какая была в глазах у псины, которую ты приручила...»

– Никто и не волнуется, – пробухтел Никита, слегка притормаживая у указателя на пришедшую в упадок усадьбу Олениных.

Этот обветшалый литературный памятник был знаменит тем, что в нем (по словам настоящего на коньяке пушкиноведа-любителя Левитаса) великий русский поэт дважды по пьяни падал в местный пруд и трижды – опять же по пьяни – овладевал дочкой хозяина у ныне сплеленного дуба, трухлявые останки которого были обнесены невысокой оградкой. На пруд они ездили с Ингой за три месяца до появления на свет Никиты-младшего... А ведь он почти забыл об этом, надо же... Об их поездке сюда, на пруды... Тогда они кишели мальчишками и любителями пива, а Никита как привязанный ходил за Ингиным застенчиво округлившимся животом. Как привязанный...

– И как? – Джанго вовсе не собиралась от него отставать.

– Что – как?

– Как молодые? Дружно живут?..

– Мне бы не хотелось это обсуждать...

– Мне тоже. Это я так спросила, разговор поддержать...

– Можно и не поддерживать. Я не обижусь.

Разговор и вправду увял сам собой. И возобновился только в растянувшейся на сотню метров пробке у шлагбаума перед въездом в город.

– Где вас посадить? – поинтересовался Никита.

– Где хотите...

– Я доброшу, куда нужно... Мне не трудно.

– Это в Коломягах...

Коломяги! Ничего себе крюк!.. Северо-западная окраина города, смешанный брак нескольких навороченных коттеджных деревенок для самых «новых русских» и пролетарски-унылых многоэтажек. Судя по затрапезной футболочке Джанго, по ней плачет одна из таких многоэтажек – с неработающим мусоропроводом и надписями на стенах. Что-то вроде «Спартак» – мясо». Или – «Зенит» – чемпион». А впрочем, какое это имеет значение? Ему, Никите, какое дело?

Но дело было.

Дело было в самой Джанго.

По мере того как чертовы Коломяги приближались, Никита увязал в своей неожиданной пассажирке все больше. И вряд ли это было связано с тем, что Инга в лучшие времена их жизни, смеясь, называла «мужское-женское». Скорее это можно было назвать собачьим. Песым. Псо-головым. То ли жаркое дыхание Джека-потрошителя все еще преследовало Никиту, то ли его смутила собачья желтизна в глазах Джанго, то ли озадачило ее имя, похожее на породистую кличку.

Даже Мариночка не вызывала у Никиты такой оторопи. Со всей ее наглостью, надменностью и цинизмом, со всеми ее запахами, со всей дурной кровью. В любом случае Мариночку можно было понять, если уж очень постараться; во всяком случае – объяснить. Понять Джанго не представлялось никакой возможности. Она была – другое.

«Иное» – как любила выражаться Инга в лучшие времена их жизни.

И, несмотря на это «иное», Джанго кого-то отчаянно напоминала Никите. Вот только кого? Не сурового кавказца же, в самом деле!..

Никита промучился воспоминаниями до самых Коломяг, до ничем не приметного шоссе, утыканного редкими зубцами лесопарка. Здесь Джанго попросила его остановиться.

– Спасибо, – сказала она. – Вы очень любезны.

– Не за что... – Никита вдруг почувствовал сожаление оттого, что ему придется расстаться с обладательницей такого интригующего имени. – Может быть...

– Я и правда приехала. Было приятно с вами познакомиться.

– Взаимно.

Что за светская чушь, черт возьми?.. Надо бы сказать что-нибудь этакое... Что-нибудь, что непременно ее заинтересует. Ведь когда-то он умел цеплять за жабры понравившихся ему женщин... Черт, черт, черт! Женщин – да, а вот таких обворожительных животных... Большой вопрос.

– Может быть, пригласите на чашку кофе? – ляпнул он первое, что пришло в голову.

– Кофе в доме не держу, – снисходительно улыбнулась девушка.

Кофе – нет, а вот сырое мясо – наверняка.

– Жаль...

Сожаления были адресованы уже спине Джанго, покинувшей машину в срочном порядке. Она свернула на маленькую аллею и через секунду скрылась. А Никита, проводив глазами черную футболку, вдруг понял, кого она так смутно ему напомнила.

Корабельникоффа.

Оку Алексеевича Корабельникоффа, отца-основателя, благодетеля и кормильца. У главы пивной империи была точно такая же мягкая хватка. И точно такая же жесткая спина. Никита даже не удивился бы, если б неведомая ему Джанго вдруг оказалась дочерью Корабельникоффа. Вряд ли – законной и наверняка не очень любимой. Никаких упоминаний о Джанго ни в квартире, ни в жизни Корабельникоффа не было. Хотя старая эсэсовка-осведомительница Нонна Багратионовна и намекала на первую жену патрона.

На жену, но не дочь.

И что делала Джанго в особняке Корабельникоффа, и как она вообще туда попала? Ведь не к Толяну же завернула, в самом деле, – только дуры убиваются по мешку, туго набитому первосортными мускулами! А вариант случайного знакомства Никита отмел сразу. Сразу же, как только почувствовал легкий укол в сердце. Поначалу он сдуру решил, что это покалывание началось из-за Джанго, но потом выяснилось, что причиной всему – Гийом Нормандский. Свернутый в трубку, он до сих пор лежал во внутреннем кармане куртки, и стоило Никите неудачно облокотиться на руль, как «Вопросы культурологии» сразу же напомнили о себе, упираясь верхним жестким краем прямо в сердце. Никита вытащил журнал и бросил его в «бардачок».

Чтобы спустя час торжественно преподнести пропажу Нонне Багратионовне.

Но, вопреки ожиданиям, секретарша совершенно не обрадовалась столь счастливому возвращению Гийома с Микушевичем. Сдержанно поблагодарила, только и всего.

– Это не мой журнал... – сказала она Никите. – Не мой. Но все равно, спасибо за хлопоты. Вы запомнили, я польщена. Кстати, где вы умудрились его достать?

Вопрос был совершенно невинным, заданным вскользь, но по щекам Нонны Багратионовны почему-то расплзлись красные пятна. И принялись отчаянно семафорить Никите: плевать мне на то, где ты его взял, мы оба знаем, где ты его взял, так что не будь дураком, придумай версию поделикатнее...

– Купил, – после секундного раздумья произнес Никита. – В ларьке на Нарвской. Увидел, вспомнил и купил.

– Да? Вообще-то он распространяется только по подписке... Сколько я вам должна?

– В смысле?

– Сколько вы за него заплатили?

– А-а... неважно. Считайте, что это подарок...

...Следующим подарком стало исчезновение Толяна и Джека. Они испарились из особняка на Горной, никому и слова не прорывав. До Никиты донеслись лишь отголоски этой странной истории, бегло пересказанной Корабельникоффы между двумя телефонными звонками – Мариночке во Всеволожск и потенциальным инвесторам в Мюнхен. Именно Мариночка и сообщила муженьку, что нашла дом пустым. Ни собаки, ни охранника... Вещи на месте. И Толяна, и хозяйские. В какой-то мере Корабельникоффы повезло – из особняка ничего не пропало, хотя входная дверь была открыта, окна в кухне распахнуты настежь и лишь калитка закрыта – и то только благодаря примитивному английскому замку.

После двух звонков Корабельникофф сделал третий – в службу собственной безопасности компании, ее начальнику с сомнительной для северных широт фамилией Джаффаров. Именно Джаффаров нанимал на работу Толяна, с него и спрос.

Чем закончилось внутреннее расследование, Никита так и не узнал, но Толян на горизонте больше не появился. По словам вездесущей Нины Багратионовны, его сменили два ублюдочного вида качка с винчестерами. А место Джека в вольере заняла такая же ублюдочная восточноевропейская овчарка. Ни качков, ни овчарки Никита до сих пор не видел – повода наведаться во Всеволожск не было. Да и Джанго, некоторое время плотно занимавшая скучное, как пустыня, воображение Никиты, отодвинулась на задний план, а потом и вовсе исчезла. И уже нельзя было с точностью сказать: была ли она на самом деле или не была. И свидетелей не осталось – ни человека, ни собаки. Они как будто испарились, рухнули в бездну ее желтоватых диких глаз...

* * *

...Вечеринка в честь дня рождения Мариночки больше смахивала на банкет по случаю тезоименитства отпрыска королевской фамилии. Никите, растворившемуся в толпе одноразовых официантов с позабытым бокалом шампанского в руке, оставалось только пялиться на VIP-гостей особняка; с тем же успехом он мог пялиться в экран телевизора – физиономии присутствующих были достаточно примелькавшимися, взятыми напрокат из светского сборника «Кто есть кто в Петербурге». С пяткок высокопоставленных чинуш из Смольного; бизнес-элиты, имеющая за плечами крупные региональные компании и зависшие на стадии расследования уголовные дела; лоснящаяся от дармовой жратвы и водки артистическая богема; несколько звезд шоу-бизнеса средней величины, модный писатель, модный стилист и преуспевающий модельер в засаленном шейном платке – каждой твари по паре. А впрочем, ковчег на Горной мог переварить и не такое количество народу. Народу, никакого отношения к Мариночке не имеющего.

Мариночка была только предлогом.

А причиной и следствием являлся сам Корабельникoff. Корабельникoff, вот кто был интересен. Он мог бы отмечать годовщину свадьбы внучатой племянницы по матери, поступление в Сорбонну шурина или день установки панорамного аквариума – состав гостей вряд ли претерпел бы существенные изменения. Деловые люди решали на ходу деловые вопросы, не очень деловые – завязывали знакомства с деловыми (Никита сам видел, как популярный худрук популярного театра что-то шептал на ухо вальяжному бизнесмену в первом поколении); потенциальные взяточдатели напропалую флиртовали с потенциальными взяточполучателями, задвинув на задний план шикарные ноги своих безмозглых подружек-фотомоделей... И никакого особенного почтения хозяйке дома, – так, дежурные комплименты, дежурные поцелуи руки и дежурные улыбки на лицах: под расстрельный аккомпанемент глаз телохранительницы Эки.

«Только цыган с медведями не хватает. И шпагоглотателей с факиром», – хмуро подумал Никита.

Цыган и цирковую программу успешно заменил фейерверк, царский фейерверк, в сполохах которого Никита неожиданно увидел Джанго...

Вернее, ее прямую, срисованную со спины Корабельникoffа спину.

Вернее, ему показалось, что увидел.

Вот только теперь она была облачена в униформу официантки. И деликатно топталась с подносом возле небольшой группы гостей – того самого худрука популярного театра, преуспевающего модельера и модного стилиста. Никита стоял на самой нижней террасе, прислонившись плечом к сосне, и несколько секунд раздумывал – подойти к Джанго или нет. Да и вспомнит ли она его – скучная поездка из Всеволожска в Питер вряд ли запечатлелась в памяти. Подойти – не подойти, подойти – не подойти... А если подойти – то какой предлог для разговора будет самым удачным?

Пропавший Толян? Пропавший кавказец? Или он сам?

Пропавший кавказец – так будет надежней.

Но добраться до Джанго оказалось не так-то просто: Никита запутался в дорожках альпийского луга, а когда оказался рядом с богемной троицей, девушки уже не было. Она мелькнула чуть выше, у фонтана, засиженного фотомоделями и молодыми, отбившимися от стада, жиголо, – а потом и вообще скрылась в доме. Никита последовал за ней, и в какой-то момент ему показалось, что он настиг ее в столовой на первом этаже. Ну да, она стояла у маленького столика и разливала шампанское по бокалам.

– Привет, – сказал Никита сосредоточенной спине.

Джанго обернулась.

– Это вы мне?

Надо же, дерьмо какое! Не она! Совсем другая девушка, такая же темноволосая, такая же коротко стриженная, но – не она.

– Извините, я подумал... Я обознался...

– Бывает, – официантка посмотрела на Никиту с вежливым равнодушием. – Хотите шампанского?

– Нет, спасибо.

Самая обыкновенная девчонка, соплячка, наверняка студентка, подрабатывающая на таких вот светских мероприятиях, и как он только мог принять ее за Джанго?..

А, впрочем, все просто. Он увидел Джанго, потому что хотел увидеть. Только и всего. Не больше и не меньше.

– Знаете, я передумал. Я, пожалуй, выпью.

– Конечно.

Она уже протянула ему бокал, вот только в самый последний момент ее рука дрогнула. Эта странная дрожь неожиданным образом совпала с первыми тактами музыки, которую Никита выучил наизусть. Чертов латиноамериканский квинтет Хуанов-Гарсия и здесь не оставил свою патронессу, топтался на открытой площадке в демисезонных пончо и теперь вот решил порадовать собравшихся кабацким репертуаром «Amazonian Blue». А секундой позже в свои права вступила и сама Марина-Лотойя-Мануэла. Никита даже примерно представлял себе цепь событий. Какой-нибудь засланный казачок из числа особо приближенных по-шакальи пустил слух о певческих способностях хозяйки. Всего-то и нужно пару раз проскандировать: «Просим! Просим!» – всесильному Корабельникoffу это будет приятно...

Да, так и есть.

Мариночка пела. Ту самую захватанную до дыр, навязшую в зубах и пристегнутую английской булавкой к подолу «Navio negreiro».

Подхватив бокал из рук официантки, Никита – сам не зная почему – пояснил ей:

– Это хозяйка. Глотку дерет.

– Почему же... По-моему, у нее неплохой голос.

Девушка смутилась, покраснела и опустила глаза: должно быть, ей стало неловко за дрогнувший бокал. Похожа на Джанго, но не Джанго, вдруг с тоской подумал Никита. Уж та бы никогда не стала краснеть из-за такой мелочи. Уж той бы никогда и в голову не пришло подвизаться официанткой на пресыщенных торжествах. А голоса Мариночки она не услышала бы из принципа.

– А вы разбираетесь? – лениво поинтересовался Никита, отправляя в рот тарталетку с соседнего подноса.

– Нет, но... – девушка смутилась еще больше. И еще больше покраснела.

– Спасибо за шампанское...

Она ничего не ответила, просто сделала несколько шагов к окну. Отсюда, из почти неосвещенной столовой, хорошо просматривалась площадка с собравшимися гостями. Они образовали широкий полукруг, в центре которого оказалась Мариночка. Она смотрелась совсем неплохо в окружении своих верных латиносов: белая богиня, забредшая в туземное племя. Да так там и оставшаяся.

Последнее, что увидел Никита, покидая столовую, была девушка, прилипшая к широкому, на всю стену, оконному стеклу. Студентка, соплячка, случайная обслуга. Похожая на Джанго, но не Джанго...

* * *

...Всю дорогу до аэропорта Корабельникофф молчал. Да и Никита помалкивал: шеф явно не в настроении, уехал с торжества как простой гость; один-единственный рассеянный поцелуй Мариночки в качестве утешительного приза. В ушах еще звучали обрывки прощального разговора.

– Ну, не сердись, девочка...

– Я не сержусь...

– Это просто дела.

– Я не сержусь. Правда.

– Все будет хорошо? – Корабельникофф понизил голос.

«Все будет хорошо», надо же, как звучит! Прямо заклинание. Смотри у меня, попробуй только испортить это «все будет хорошо»! Никакого флирта с мужиками, никаких ходок на сторону, никакого облизывания губ, я надеюсь на тебя, надеюсь...

– Все будет хорошо, – Мариночка была сама кротость. – Эка за мной присмотрит... Будет стрелять на поражение.

– Да, с Экой нужно держать ухо востро. Возвращайся к гостям, моя хорошая... Это ведь твой праздник... Я позвоню, как только прилечу.

– Я буду на связи...

Никита хмыкнул: шутка Мариночки понравилась ему больше, чем блеклый комментарий Корабельникоффа. На Никиту Мариночка и не взглянула: с тех пор, как он трусливо бежал от ее коленей, чертова кукла взяла за правило в упор не замечать личного шофера мужа.

...Они расстались у терминала. Корабельникофф пожал Никите руку, сообщил время прилета в Питер – на Мюнхен отводилось ровно два дня – и направился к стойке. Глядя на его прямую спину, Никита вновь вспомнил о Джанго.

Странная штука – теперь все напоминало ему о Джанго: испуганная девушка-официантка, спина Корабельникоффа; сырая, пахнущая водорослями питерская ночь, пустая кофейня, в которой он завис на добрых два часа, пустая чашка кофе; фонари, которые при желании можно было спутать с желтыми зрачками собачьей богини... Что-то подобное было с ним много лет назад, когда он впервые встретил Ингу. Тогда все было только поводом, только предлогом... Вся жизнь до Инги тоже была только предлогом. У него еще была первая жена, у нее еще был первый муж, и их так внезапно вспыхнувшим чувствам пришлось украдкой встречаться на нейтральной территории – в метро, в кафе, на троллейбусных остановках, в лифте у Митеньки Левитаса, в его холостяцкой, пропахшей собачатиной, квартире... Развод с первой женой прошел для Никиты безболезненно, о разводе Инги он так ничего и не узнал – она никогда не посвящала его в свое прошлое. Она забывала о прошлом, как только оно переставало быть настоящим. Вот только на сыне... Вот только на Никите-младшем она подломилась...

Черт... Инга! Надо же, дерьмо какое!

Сегодня двенадцатое, день ее рождения!

А он напрочь забыл об этом! Напрочь. А ведь еще совсем недавно думал, что бы такое ей подарить сногшибательное, сукин сын!..

Была глубокая ночь, и Никита расстроился еще больше. Приличного подарка глубокой ночью не подберешь, цветочки у метро наверняка втюхают какие-нибудь завалящие розы, которыми так удобно бить по морде отвергнутых любовников, в общем – полный швах. Застенчивые мальчишеские мечты о Джанго отошли на второй план, уступив место угрызениям совести: а не скрывалась ли за этой хреновой и так внезапно навалившейся, мать ее, забывчивостью недостойная мужчины месть?.. Недостойная Никиты, недостойная самой Инги...

Он почему-то вспомнил об орхидее, которую – вместе со всеми подарками от дружного коллектива компании – вывалил в прихожей корабельникоffских апартаментов. Это было бы совсем неплохо. Совсем. Неплохо, сдержанно и стильно. Мариночке эта орхидея нужна как зайцу стоп-сигнал, в гробу она видел экзотический цветочек. От нее самой за версту несет секунд-хэнд-овской экзотикой. Она и не вспомнит о коробочке, она о ней и не узнает.

Не узнает.

Если Никита хотя бы раз воспользуется своим служебным положением и...

Дурацкая мысль.

Чтобы отогнать дурацкую мысль, Никита заказал себе еще кофе. И даже для убедительности потряс головой. Но мысль не уходила, наоборот, – со знанием дела окапывалась в Никитиных мозгах. Наваждение тигрового окраса не смысл даже стакан минералки, последовавший после кофе. А к вишневному соку Никита и вовсе спекся. И достал из кармана связку: ключи от Пятнадцатой линии занимали на ней почетное место. Похотливая тварь за городом и сегодня вряд ли вернется. Гора презентов скучает в прихожей, и ему ничего не стоит заехать сейчас на квартиру Корабельникоffа и умыкнуть орхидею. А заодно и еще что-нибудь. Что-нибудь, не нужное Мариночке... Да и Инге, по большому счету не нужное...

А нужное ему, Никите.

Чтобы совсем уж не чувствовать себя подлецом.

...От «Идеальной чашки», в которой заседал Никита, до Пятнадцатой линии было не больше сорока секунд езды. И на то, чтобы разгуляться, у совести времени не было. Так что в дом Никита вошел бодрячком. И бодрячком сунул ключи в замочную скважину. И бодрячком присел перед подарочной кучей, подсвечивая себе зажигалкой: большой свет он не включил из предосторожности.

Орхидея лежала там, где он оставил ее: между коробочкой побольше (духи «Sentiment») и коробочкой поменьше (духи «Guerlain Chamade»). Ни на одну из коробочек Никита не польстился, такими коробочками, теперь позабытыми и ссохшимися, была уставлена вся бывшая их спальня. Да и Инге больше не нужны были запахи. Единственный запах, который у нее остался, – запах земли с могилы Никиты-младшего. Но вот цветок...

Цветок был вызывающе живым. Цветок мог тронуть любое сердце. И даже те куски незаживающей плоти, которые остались от сердца.

Никита сунул орхидею в сумку. И совсем было собрался уходить из квартиры, когда услышал этот звук. Звук тихонько льющейся из незакрытого крана воды. Это было странно, ведь сегодня днем, когда Никита ненадолго появился здесь, никаких посторонних шумов не было... Но тогда был день, а ночью звуки резче, да и выглядит все совсем по-другому. Никита машинально двинулся по коридору, в направлении звука: он доносился из-за приоткрытой двери ванной. Оттуда же пробивалась узкая полоска света, и он замер, остановился.

Сейчас около половины третьего, и Мариночка вполне могла вернуться, хотя...

Хотя о ее возвращении из Всеволожска в Питер речи не было. Иначе Корабельникоff сказал бы ему об этом... А впрочем, у Мариночки была собственная тачка и собственный телохранитель, и ей самой решать – вернуться или нет. Хорошо еще, что он не нарвался на Эку, та была бы еще сцена! Мало того что хлопот не оберешься, так еще и объяснять пришлось бы цели визита – лежа на полу с завернутой за спину рукой. И млея от застывшего в опасной близости от переносицы пистолетного ствола...

Ему бы уйти подобру-поздорову, на цыпочках, с трофейным цветиком-семицветиком в сумке... Ему бы уйти, не раздумывая!..

Но что-то удерживало Никиту. Что-то удерживало его возле проклятой приоткрытой двери, возле этого звука текущей воды, похожего на шум отдаленного крошечного водопада. Никаких других звуков не было – минуту, две, три: ни русалочьего плеска, ни раскрепощен-

ного вздоха, ни даже легкого мурлыканья какой-нибудь популярной песенки... Вода и больше ничего. Одинокая струйка в одиноком водопадике, странно резонирующая.

Неизвестно, сколько он простоял, прежде чем шагнул к двери.

Но он шагнул и осторожно, по-воровски, заглянул в отделанное мрамором нутро ванной. И сразу же увидел Мариночку. Вернее, откинутую назад голову Мариночки, укутанную волосами.

Что-то было не так.

Никита понял это сразу же. Раньше, чем успел сообразить, что именно – не так.

На волосах лежал странный розоватый отсвет.

И вода... Вода, готовая вылиться через край джакузи, – вода тоже была розовой. Нежно-розовой, непоправимо-нежно.

Таким же нежным был профиль Мариночки.

Нежным и мертвым.

Именно это и было «не так» – мертвый профиль. Жена его патрона была мертва. Молодая женушка, свет очей, единственная радость, лучшее дополнение к платиновому колье и «Фольксвагену Бора». Колье и сейчас обнимало Мариночкину шею. А сама Мариночка была мертва. Мертва, мертва... Надо же, дерьмо какое!.. Слегка покачивающиеся на розовой воде волосы свидетельствовали о необратимости случившегося. Несколько секунд Никита как зачарованный смотрел на нити волос; а потом, почему-то сняв кроссовки (уж не для того ли, чтобы ненароком не разбудить мертвую Мариночку?!), двинулся вперед – из галерки в первые ряды партера... Ногам сразу же стало мокро: по мере приближения к Мариночке носки пропитывались водой, а темный, в зеленоватых прожилках пол старательно скрывал все новые и новые лужи.

Никита приблизился к телу почти вплотную, обойдя лужу побольше, разлившуюся прямо у джакузи. Предусмотрительность, такая же дерьмовая, как и ситуация. Но теперь... Теперь он мог разглядеть все подробности смерти. Абсолютно все, включая бокал на краю ванной. Одинокий бокал с остатками какого-то спиртного: медовый отсвет на стенках, прямо у Мариночкиного изголовья. Надо же, дерьмо какое!.. И почему он так сосредоточился на бокале? И почему сунул палец в розовую, еще теплую воду? Тело парило в ней, почти совершенное тело, похожее... Похожее на тело Инги. От этой мысли Никите стало не по себе.

Или – совсем от другой?..

Отправиться в мир иной в день своего двадцатичетырехлетия – чем не отличная идея? После шумной всеволожской иллюминации, после оравы гостей, после торопливых проводов мужа, после «Navio negroiro», дважды исполненной на бис. И перед лениво-фантастическими перспективами, которые сулила долгая и счастливая жизнь с пивным бароном...

Лицо – вот на чем задержался взгляд Никиты.

Ничего нового он не искал в этом лице: не искал и все же нашел. И не только темно-вишневую крошечную дырку во лбу, слегка смещенную к правому виску и жмущуюся к правой брови, не только ее.

Лицо.

Лицо тоже было новым. Другим. Иным.

Мариночкиным, достаточно хорошо изученным – и все же иным.

Таким его Никита еще не видел. «А ты изменилась», – пугаясь собственного цинизма, подумал он. Она и вправду изменилась, Марина-Лотойя-Мануэла... Впрочем, последние два имени можно было отсечь за ненужностью. Вместе с разбитным рестораником «Amazonian Blue» и великолепной пятеркой Хуанов-Гарсиа. Осталась одна Марина.

Мариночка.

Без всякого колкого подтекста: «Мариночка», как сказала бы дочке неведомая Мариночкина мама: «Вставай, школу проспишь, Мариночка!», «Одень шапку, Мариночка», «Ты опять

висишь на телефоне, Мариночка»... Никита был не в состоянии отвести глаза от лица девушки: она могла быть кем угодно, только не стервой. Распущенной циничной стервой, которой всегда хотела казаться. Теперь Мариночкино лицо было абсолютно детским, беззащитным, трогательным – такие лица принадлежат подросткам и в такие лица влюбляются подростки: безутешно и безоглядно.

А смерть тебе идет, девочка.

А вот крошечная дырка во лбу – нет.

Похоже на контрольный выстрел в голову. Черт возьми, как похоже! Надо же, дерьмо какое!.. Конечно, друган Левитас разбирается в этом лучше, но не нужно быть семи пядей в криминальном лбу, чтобы понять: контрольный выстрел... Хреновый финал, вот только как Эка прощелкала все это?.. Телохранительница, мать ее... Лучшая в своем выпуске...

Мысль о нерадивой Эке сразу же потянула за собой другую – о КорабельникOFFe. Влюбленном КорабельникOFFe. Что будет с ним, когда он узнает о вишневой дырке во лбу жены?.. И кто сообщит ему об этом? Сообщить можно и сейчас, у Никиты был номер мобильного, оставшийся с прежних полудружеских времен, но... Представить себе, что через каких-нибудь вшивых три минуты он расскажет боссу о теле в ванной на Пятнадцатой линии... Теле его жены, с которой – живой, здоровой и неприлично цветущей – он всего лишь несколько часов назад нежно попрощался во Всеволожке... Представить это Никита был не в состоянии. Да и что бы он сказал? «Шеф, я заехал к вам домой... просто так... протереть пыль на микроволновке, провести водку в холодильнике... а тут...»

Надо же, дерьмо какое!

И в эпицентре этого дерьма – он сам, Никита Чиняков.

Ну, Нонна Багратионовна, сбылась мечта идиотки!

Он произнес это вслух, будничным голосом. Голос запрыгал по ванной комнате, отразился в стенах, зеркалах и лужах на полу – и вернулся к Никите. И запоздало ужаснул его: ну ты даешь, Никита, совсем соображать перестал...

Ладно, соображать он будет после. Когда перед глазами болтается труп – какая уж тут соображалка! А сейчас нужно уйти. Нужно уйти и все обдумать. Пусть о смерти Мариночки КорабельникOFFу сообщит кто-то другой. Или другие. Коллеги Митеньки, оперы из убойного, занюханые следователи, им по должности положено бить родственников дубиной подобных сообщений, они на этом собаку съели, им все равно – кому втюхивать вести о насильственной кончине: слесарю дяде Васе или бизнес-столпу КорабельникOFFу. Они это сделают с одинаково равнодушным выражением лица. Профессионально-равнодушным. Вот пусть и делают, но только не он, Никита. Тогда о дружбе с КорабельникOFFым – пусть и забуксовавшей, но все еще возможной – можно будет забыть навсегда. Он, Никита, так и останется для КорабельникOFFа человеком, который принес испепеляющую, невозможную весть о гибели жены. Он, Никита, всегда будет ассоциироваться у КорабельникOFFа с этой гибелью.

Только и всего.

А с Мариночкой – с Мариночкой всеильный Ока собирался жить вечно, уж таков он был в своей поздней любви. Значит, и ненависть к Никите будет вечной. А если приплюсовать сюда и вечную ненависть Инги... Нет, две ненависти ему потянуть...

Но об этом – позже. Позже, позже. Не сейчас... Сейчас нужно выбираться из этого дома, изученного до последнего гвоздя и так неожиданно ставшего западней.

Немудреная трусливая мыслишка тотчас же заставила Никиту действовать. Он попятился к двери – как раз в тот самый момент, когда вода добралась до самых краев джакузи и лениво рухнула вниз. Гореть тебе в аду за трусость, Никита Чиняков, гореть тебе в аду...

Выкатившись в коридор, Никита торопливо сунул в кроссовки окончательно промокшие ноги и затолкал шнурки внутрь. И только теперь, нагнувшись, увидел то, что до сих пор просто не мог увидеть из-за полуоткрытой двери.

Кусок кожи.

А точнее – жилетка.

А еще точнее – жилетка Эки.

Та самая, которая украшала ее плечи и оттеняла татуировку. Никита осторожно обошел дверь: так и есть, жилетка, визитная карточка грузинки-телохранительницы. Интересно, что она делает здесь? Что она здесь забыла и почему так по-хозяйски развалилась на полу?

Никаких идей по поводу жилетки у Никиты не возникло, но возникла дверь супружеской спальни. Она располагалась наискосок от ванной; если поднять глаза от жилетки – сразу же в нее упруешься. Но, в отличие от легкомысленной двери в ванную комнату, эта оказалась плотно прикрытой.

Валить надо отсюда. Подобру-поздорову.

Но Никита не ушел. Напротив, какая-то неведомая, благословляемая чертовой жилеткой сила подтолкнула его к спальне. Всего-то и надо, что распахнуть дуб, инкрустированный перламутровыми вставками, всего-то и надо. «Валить, валить отсюда, от греха», – еще раз подумал Никита.

И оказался у двери.

Потный сынок одной из жен Синей Бороды.

...В спальне было темно, а затянутые жалюзи не пропускали света. Да и наплевать, Никита с прошлой зимы хорошо знал расположение вещей, фотографическая память; вот только не нарваться бы на что-нибудь новенькое...

Он протянул руку к выключателю – рядом с дверью, налево, – и, нащупав его, аккуратно повернул колесико. Совсем немного, как раз для четверти накала вмонтированных в подвесной потолок ламп.

Он повернул колесико и сразу же понял, что нарвался.

Возле кровати, на маленьком столике, стояла бутылка мартини, окруженная чищенными мандаринами.

А на кровати лежала Эка. Голая Эка, вернее, наполовину голая: нижняя часть тела была целомудренно скрыта простыней, зато грудь и живот обнажены. «Вполне-вполне, – подумал потный сынок одной из жен Синей Бороды, так неожиданно поселившийся в Никите, – грудь навскидку и пристрелянные дула сосков, вполне-вполне».

Телохранительницы потный сынок не боялся – по той простой причине, что она не подавала признаков жизни. Так же, как и Мариночка. Так же, как и Мариночка, Эка была мертва. Бледное неподвижное тело на черном белье не оставляло никаких сомнений. Неплохой урожай, две молодые жизни, как с куста, – и всего лишь за один вечер. За начало ночи, которое Никита провел в кафе «Идеальная чашка». Тела тоже выглядели идеально, ничего не скажешь: одно в воде, другое на простынях.

Теперь Никита не стал снимать кроссовки, да и незачем было: бодигард, невелика птица, тут и шапку снять – подумаешь, не то что ботинки... Он приблизился к Эке и заглянул в мертвое и совсем не совершенное лицо. Дырка была точно такой же темно-вишневой, вот только располагалась она на виске. От виска через скулу стекала тоненькая струйка, терявшаяся затем в черноте простыней. А на полу, рядом с кроватью, валялся пистолет. Никита обнаружил его, проследив за бессильно свесившейся рукой Эки.

Надо же дерьмо какое!..

Все это смахивало на самоубийство. Киношное самоубийство. Именно так оно и выглядело с последнего ряда на последнем киносеансе, когда Никита напропалую целовался с Ингой. Никита даже присел перед кроватью, вплотную приблизившись к руке Эки. Никогда он не видел рук грузинки так близко. Решительные, коротко стриженные ногти, достаточно широкая, почти мужская кисть, выпирающая косточка на запястье, и все это – без страха и упрека. И мысли о самоубийстве не допускает. И все-таки – оно есть, самоубийство, не совсем же он

дурак, Никита! Одно самоубийство и одно убийство – это слишком даже для такой феерической и монументальной личности, как Корабельникоff. Эх, Ока Алексеевич, Ока Алексеевич, ну и змею же ты пригрел на груди своей жены, ну и змею!.. Змею, сбросившую кожу в коридоре. Вот только что делает змея в твоей постели – ба-альшой вопрос...

Ба-альшой...

Но искать ответ на этот вопрос было бессмысленно. Во всяком случае – сейчас. А вот убраться из страшного дома – самое время.

Но Никита не убрался. Вернее, убрался не сразу.

Оставив Эку и лежащий на полу пистолет, он побрел на кухню и несколько минут посидел на своей любимой табуретке, тупо глядя в пространство. Эка и Мариночка, Мариночка и Эка, обе – обнаженные, обе – мертвые, а до этого – на протяжении пары месяцев почти не разлучавшиеся. И смерть их оказалась почти одинаковой, разница в нескольких сантиметрах не в счет: лоб, висок, разве это разница... Убийство, самоубийство – итог один...

«Пусть этим Митенька заморачивается, ему по должности положено», – подумал Никита, уставившись на одинокий бокал на краю стола. Точно такой же бокал возвышался сейчас над мертвой головой Мариночки в ванной комнате. Высокий, с приземистой ножкой и толстыми стенками. На дне Мариночкиного болтался недопитый martini, а этот был пуст. Совершенно машинально Никита сунул в него нос: тонкий, едва слышный запах, вот только почему бокал стоит здесь, а не в спальне? Или в ванной? Их было двое – и бокалов тоже два. Мариночкин – при Мариночке, а Экин... Мысль о чертовом бокале гвоздем впиалась в Никитину голову: Экин должен быть при Эке, так будет правильно.

Ты сошел с ума, Никита, ты сошел с ума...

«Ты сошел с ума», – сказал он себе и, подхватив бокал, направился вместе с ним в спальню. Глупо было бы кончать с собой, предварительно не выпив. Когда сам Никита дважды пытался свести счеты с жизнью, он напивался, как же иначе, – и рюмка с водкой все время оставалась в поле его зрения. Так, за компанию...

...Установив бокал рядом с мандаринами, Никита сразу же успокоился: теперь картина выглядела законченной. Именно так поступила бы Эка, перед тем как пустить себе пулю в висок: жажнула бы martini и застрелилась.

Ну все. Можно убраться.

Можно убираться, а думать обо всем он будет потом. Не сейчас – потом...

Но уйти из квартиры вот так, безнаказанно, за здорово живешь, не удалось. Никита уже собирался толкнуть входную дверь, когда услышал шаги на площадке. Шаги дублировали друг друга, так же, как и нетерпеливый шепот, что-то вроде: «Звони... Нет, ты звони...» Голосов тоже оказалось два: женский и мужской.

Только этого не хватало, твою мать! Не хватало еще, чтобы его застукали здесь и сейчас, как ординарца, как почетный караул при двух трупах. И ведь ничего не объяснишь, никому. Никому, особенно Корабельникоffу... Именно злосчастное воспоминание о шефе заставило Никиту поторопиться. Спрятаться за кухонной дверью – первое, что пришло ему в голову. Так он и сделал, втайне надеясь, что гости потопчутся на площадке и уберутся восвояси. Позвонят для приличия, подолбят в двери – и уберутся восвояси. Господи, сделай так, чтобы они убрались, сделай, господи!..

Но ночным визитерам и дела не было до его тайных мыслей. Через секунду раздался требовательный звонок, от которого у Никиты заложило уши. Незвестная парочка терзала кнопку добрых три минуты, после чего наступило затишье. Ну, слава богу, культурные люди, сообразили, что если не открывают, – значит, никого дома нет. И вообще: ходить в гости по ночам – не самая блестящая мысль. Позвонили, пора и честь знать.

Но перевести дух Никите так и не удалось, а все потому, что с гулкой площадки донесся женский голос:

– Слушай, а здесь, похоже, открыто...

Черт, черт, черт, надо же, дерьмо какое! Это ведь он, Никита, не захлопнул дверь, заскочив в квартиру Корабельникоффа всего лишь на пяток минут. На пяток минут, как ему тогда казалось. За тигровой орхидеей, приведшей его напрямиком в западню!

– И что? – мужской голос оказался рассудительнее женского.

– Ну, если открыто – может, мы войдем?

– Не думаю, что это хорошая идея...

Вот-вот, совсем нехорошая! Это ты, парнишка, правильно подметил!..

– А по-моему, ничего, – никак не хотела униматься невидимая Никите бабенка. – Зря, что ли, мы сюда приехали?

– Не знаю... Но ты же видишь сама...

– Как хочешь... А я вот войду.

Спустя секунду голос переместился в прихожую, и Никита затаил дыхание. Обладательница голоса наконец-то материализовалась – во всяком случае, сквозь дверную щель Никита смог рассмотреть безмятежный глянцево-профиль и глупые, смоделированные гелем волосики. На лицо крупной косметической фирмы девчонка не тянула, но на победительницу конкурса «Мисс года» где-нибудь в автономной республике – очень даже... Следом за королевой красоты в прихожую ввалился и паж, такой себе кобелек из разряда жиголо.

Обоим на вид было лет двадцать, никак не больше: судя по легкой художественной небритости кобелька и вызывающему девчоночьему макияжу с преобладанием активного черного цвета.

– Ой! – сказала девчонка, наткнувшись на гору деньрожденьевского реквизита в прихожей. – Ты только посмотри, какая прелесть!

– Мадам – большая оригиналка, – меланхолично заметил кобелек.

– Это, наверное, подарки, да?

– Думаю, лучшим подарком для мадам будешь ты...

– А ты? – хихикнул лучший подарок.

– Само собой... Мы ей покажем класс... Она даже не знает, что ее ожидает...

«Мадам», очевидно, была кодовой кличкой Мариночки, кого же еще. Никита, несмотря на аховость ситуации, внутренне хмыкнул: тоже, нашли мадам, сопляки, ей и самой-то двадцать четыре сегодня исполнилось... То есть вчера. Уже вчера... Хотя... В известной степени Мариночка и есть мадам, изнывающая от безделья жена бизнесмена, еще способная порадовать себя такой вот парочкой по вызову. Совсем недурственно она развлекается в отсутствие мужа, ничего не скажешь... Хотя что-то подобное и можно было предположить, исходя из ее подлого, гиенистого темперамента. Права, права была Нонна Багратионовна, ох, права...

Но в любом случае именно эта парочка и засвидетельствует смерть. Громкими воплями и вставшей дыбом щетиной. А в том, что будет именно так, когда кобелек и сучка наткнутся на труп в ванной, Никита ни секунды не сомневался.

– Ты что это делаешь, лапонька? – спросил кобелек.

– «Guerlain Chamade», – проворковала сучка. – С ума сойти...

– Положи на место. И вообще, бросай свои провинциальные замашки... Не хватало еще, чтобы ты и здесь наследила... И так в прошлый раз чуть не погорели...

– Да ладно тебе, бебик... Вон здесь сколько всего. Она и не заметит... А я давно мечтала... «Guerlain Chamade», надо же...

– Положи на место.

– И не подумай, – женская часть дуэта понизила голос до безопасного шепота. – Считай это бонусом... Я заслужила... Заслужила...

Ого, девчонка, воспользовавшись ситуацией, решила потрясти «мадам»! Ну, давайте, бебики, обнюхивайте квартиру, пора бы громко заявить о себе. Никита прикрыл глаза и затаил

дыхание. Одно из двух: либо они уйдут, либо останутся. Все будет зависеть от любопытства девчонки, уже, судя по всему, прикарманившей духи. Вопрос в том, захочется ли ей прикарманить что-нибудь еще.

Ей хотелось.

Потоптавшись в прихожей еще минуту, девчонка двинулась в глубь квартиры, а кобелек как привязанный потащился за ней. На то, чтобы заглянуть в ванную (а куда еще прикажете заглядывать, ведь свет горит только там!), ей понадобится несколько секунд. Еще несколько – на то, чтобы оценить ситуацию и заорать. Или хлопнуться в обморок. Хотя – в обморок она не хлопнется, жилистые и глупенькие провинциалки редко прибегают к таким крайним мерам. Нужно только все правильно рассчитать, Никита, и путь к спасительной двери будет открыт. Вдох-выдох, выдох-вдох...

Но в квартире было тихо.

Никита, изготовившийся было к прыжку из кухни, накинул еще пару секунд.

Ну, давай! Давай!..

И вопль раздался. Но совсем не тот, которого ожидал Никита. Особого ужаса в нем не наблюдалось, скорее – детское любопытство и даже нечто, отдаленно напоминающее восхищение.

– Бебик! Б... Ты только посмотри!.. – далее последовало многоэтажное ругательство, хвост которого едва не пришиб Никиту, выскочившего на лестничную площадку.

А теперь – бежать! Бежать и не оглядываться...

Через минуту Никита уже сидел в машине. И шумно переводил дыхание. Ну все, он вручил судьбу двух тел малолетним остополам, дело сделано, и можно убираться. Они придут в себя через минуту, а то и раньше, учитывая известную циничность профессии... Вызовут ментов, те выдернут из теплой постели начальника службы безопасности Джаффарова на пару с Нонной Багратионовной – именно они в курсе всех передвижений Корабельникoffа, они и шмякнут шефа по голове смертью Мариночки. А Никита будет ни при чем, белый и пушистый, и к тому же способный поддержать благодетеля Оку в трудную минуту его жизни.

Все. Дело сделано и можно убираться.

Но убираться Никита не торопился. В конце концов, здесь, в мерседесной тиши и безопасности, можно и прикорнуть в ожидании промежуточного этапа развязки.

...Часы на приборной панели показывали, что Никита сидит в ожидании уже шесть минут, но никаких подвижек не происходило. Никто не вышел из дома, да и милицейской сирены не слышно. Вот черт!..

– Надо же, дерьмо какое! – ругнулся Никита вслух и тотчас же увидел две фигурки, на всех парах несущиеся от дома.

Кобелек и сучка.

И не с пустыми руками!

От удивления Никита даже присвистнул. Потом присвистнул еще раз – от возмущения. И еще – от неожиданно открывшейся ему истины. Они поступили точно так же, как поступил он сам. Просто вымелись из квартиры, что тоже понятно: кому охота связываться со смертью! Тем более – смертью жены влиятельного человека. Они поступили так же, плюс... Никита ограничился скромной орхидеей, а аппетиты парочки оказались куда более внушительными.

Пока Никита стыло рассуждал об этом, парочка кенгуриными прыжками двинулась прямо в его сторону.

А затем...

Свои дальнейшие действия Никита и сам потом не смог себе объяснить: он врубил фары и завел двигатель. Лучших опознавательных знаков для кенгуру с пакетами и придумать было невозможно. И кенгуру доверчиво бросились на свет и звук. А кенгуриный кобелек на пра-

вах мужчины тотчас же заколотился в стекло. Дав поугаваривать себя несколько мгновений, Никита стекло опустил.

– Эй, шеф, до Приморской подбросишь? – От голоса кобелька за версту несло дешевым испуганным мародерством.

– Сколько?

– Тридцатка...

– Да вы совсем, ребята, обалдели... – для вида покочевряжился Никита.

– Тут и ехать-то пять минут... А тебе сколько надо?

– Ну, за полтагу, может быть, и соглашусь...

– Лады, – кобелек уже нетерпеливо бился в заднюю пассажирскую дверь.

Никита взял с места, как только парочка угнездилась на заднем сиденье. В зеркале заднего вида отразились обе нашкодившие полудетские мордашки.

– А вы чего такие смурные, ребята? – не удержался Никита. – Поссорились?

– Поссорились, поссорились, – хмуро бросил кобелек. – Ты за дорогой следи, шеф. Тебе-то какое дело?..

– Да никакого, хоть бы вы и хату какую-нибудь обнесли...

Лицо не подготовленной к таким провокационным пассажам девчонки исказилось, два пакета в ее руках звякнули «Guerlain Chamade», «Sentiment'ом» и еще бог знает чем. Зато паренек проявил недюжинную выдержку.

– Да ты шутник, шеф...

– Ага, – легко согласился Никита. – Где вас на Приморской посадить?

– А на Приморской и высади. У метро...

...Они действительно вышли из машины у метро и все так же, по-кенгуриному, поскакали в сторону дома у противоположной стороны дороги. Дом носил славное название «на курьих ножках», и в нем когда-то жила первая Никитина любовь – еще школьная, с содранными коленками и болячками на губе.

Вера, неожиданно вспомнил Никита, ее звали Вера.

Проводив взглядом парочку, Никита развернулся и поехал в сторону гостиницы «Прибалтийская». Там, на Морской набережной, и жил его приятель Митенька Левитас.

Обшарпанная дверь Левитаса встретила его собачьим лаем и недовольным сонным бухтением самого Митеньки.

– Ты знаешь, который час, убийца? – с закрытыми глазами спросил Левитас, пропуская Никиту в квартиру и пинками пытаясь унять разбушевавшегося Цыпу.

– Я не убийца, – промямлил Никита.

– Убийца, убийца, не сомневайся... И вообще, какого черта, Кит? Решил наконец-то уйти от своей змеи?

– У тебя есть что-нибудь выпить?

– Мне с утра на работу... – Митенька с трудом разлепил глаза и уставился на приятеля. – Но тебе, как другу... Есть водка.

– Один черт. Давай водку...

Холостяцкая кухня Левитаса была завалена грязной посудой, полуистлевшими плакатами с пляжными красотками и мешками собачьего корма. Митенька меланхолично пнул под зад крутящегося под ногами добермана, втиснулся в узкую щель между столом и стеной и уставился на Никиту, в полном молчании опрокинувшего две стопки водки.

– А ты не за рулем? – запоздало поинтересовался он.

– Какое это имеет значение? Хоть бы и за рулем...

– Ну, выкладывай... Что произошло?

– Ничего...

– Да ладно, – Митенька видел Никиту насквозь. – Ты когда ко мне ночью заваливался в последний раз? Лет семь назад, да? Сообщить, что у тебя сын родился...

Это была правда. Когда родился Никита-младший, обезумевший от радости Никита ввалился к Левитасу среди ночи, с литровой бутылкой водки и двумя яблоками в кармане. А после они вдвоем сидели на крыше, лакали из горла бессмертную «Столичную», заедали ее яблоками и орали на весь обветренный Залив «Вальс-бостон».

Он совсем неплохо получался у них, «Вальс-бостон».

А потом Митенька перешел на жизнеутверждающий романс «Четвертые сутки пылают станицы», а Никита едва не свалился с крыши. Ведь у него родился сын, тут не только с крыши свалишься.

Сын. Сы-ын!..

– Прости, Кит, – Левитас крикнул и сам потянулся за водкой. И жахнул ее в полном молчании. И занюхал загривком присмирившего Цыпы. – Прости...

– Ничего... Все в порядке...

– Так ты бросил свою змею? Нашел себе другую? Нежную и трепетную, для души?

– С чего ты взял?

– Так ведь мент – он и в нерабочее время мент, – осклабился Митенька.

И, перегнувшись через шаткий пластиковый стол, снял с Никитиной куртки длинный светлый волос. И принялся наматывать его на палец.

– Улики нужно уничтожать, друг мой Кит, – нараспев произнес он. – А то у тебя как в старом анекдоте получается... Она блондинка?

– Да какая блондинка?

– Да вот эта! – Митенька покрутил волос в руках. – Довольно жесткий, между прочим... Волос-то... Прям леска. Проволока. Ты смотри, как бы характер у нее не оказался таким же... Одной суки с тебя хватит, я думаю...

Единственной блондинкой в окружении Никиты можно было назвать покойную Мариночку, да и то с натяжкой. И при чем здесь волос, и откуда он вообще взялся на куртке? Ведь вплотную к Мариночке Никита не приближался, разве что – к Эке, но у Эки была короткая стрижка. Смоляные волосы с едва заметными нитями ранней седины... Впрочем, какое это имеет значение? Сейчас важно только то, что он увидел на Пятнадцатой линии...

– Я не убийца, – тихо произнес Никита, опрокидывая в себя очередную порцию водки.

– Все, больше ты не пьешь, – поморщился Левитас. – Довела тебя эта стерва... А я думал – ты успокоился уже... Так нет... Не виноват ты в том, что твой сын погиб... Не виноват! Ну сколько можно жрать себя, Кит? Сколько можно?..

Только теперь Никита понял, что пальцы его легонько трясутся, а позвоночник чуть слышно подрагивает, – это была запоздалая реакция на трупы, оставленные им в пустой квартире. Запоздалая, еще не до конца осмысленная реакция, – только сейчас он это понял.

– Ее убили, – медленно произнес он.

– Кого?

– Мариночку...

– Какую Мариночку? Ты что несешь?

– Мариночку, – Никита с трудом протолкнул слова сквозь зубы. – Жену шефа.

– Корабельниковскую молодуху? – Левитас благодаря все еще продолжающимся посиделкам в бане на Крестовском и в кафе «Алеша» на Большом был в курсе всех Никитиных дел. – Да что за фигня?!

– Ее убили. Но я – не убийца... Я просто видел тело... Просто видел тело, вот и все...

Переложить ответственность на сухие милицейские плечи Митеньки – это и вправду было то, что нужно. Никита глухим и совершенно равнодушным голосом поведал Левитасу о том, что увидел в квартире; он ничего не забыл, включая бокал на краю ванной и кожаную

жилетку на полу. Следом за жилеткой шла парочка по вызову, вот только о пакетах Никита распространяться не стал – вспомнил о тигровой орхидее. Закончив рассказ, он почувствовал странное облегчение, хотя и несколько подлого свойства, если задуматься: умыв руки, он заставил напрягаться старого друга. Да еще в свободное от окаянной работы время.

– А ты того... Не преувеличиваешь? – осторожно спросил Митенька, когда Никита закурил кровавую историю водкой. В его устах это прозвучало как «Кончай заливать, козлище!».

– Можешь съездить и посмотреть, – у Никиты не было сил пререкаться.

– Та-ак... Значит, ты завернул в городскую квартиру босса и обнаружил там два трупа?

– Два голых трупа... Хозяйки и ее телохранительницы...

– Да-а... Баба-телохранительница – это, знаешь ли... Тухляк... И вообще – тухляк.

– Что именно?

– Да все, – в сердцах бросил Митенька. – Все, что ты мне рассказал – тухляк!

– Я сказал тебе правду.

– И что же ты не заявил?

– Заявляю. Вот тебе и заявляю. Ты же у нас сотрудник убойного... Тебе и карты в руки.

– А эти двое – тоже смотались?

– Да...

– Отзывчивые у нас граждане, ничего не скажешь... Загнуть успеешь, пока почешутся.

– И что ты собираешься делать? – Вопрос был глупым, не менее глупым, чем поведение Никиты в квартире Корабельникоффа.

– А ты?

– Поеду домой, к Инге... Устал...

– Слушай, Кит... Только честно... А у тебя с этой дамочкой... ну того... Ничего не было? Если было – тебе проще сказать об этом сейчас. Мне.

Если у Никиты что-то и было с семейством Корабельникоффов, то скорее с самим Окой Алексеевичем. Нежнейшее черно-белое «Я думаю, это начало большой дружбы». А смерть Мариночки была цветной. Темно-вишневой.

– Нет. Ничего не было...

– А у тех двоих? Что они делали в квартире?

– Понятия не имею... Скорее всего, приехали по вызову...

– По вызову? Оба?

– Ну да... Думаю, Мариночка решила развлечься... Слегка... В день своего рождения...

– Оригинально. И не отпустила телохранительницу?... Ладно, собирайся и двинем...

– Куда?

– Куда? На место, как ты утверждаешь, преступления... Если ты меня не накалываешь... А может, ты меня накалываешь? Решил пошутить, а? – безнадежным голосом спросил Левитас.

– Никуда я не поеду... Мне хватило...

Через секунду жесткие пальцы Митеньки ухватили Никиту за хлипкий ворот.

– Поедешь, куда ты денешься... Я тебе покажу, как безнаказанно поднимать с кровати работника правоохранительных органов!..

Часть вторая

Ленчик

Сентябрь 199... года

...Мы сделали это.

В день рождения Динки, которого больше нет. И Динки больше нет. И меня. Но самое главное, – нет больше Ленчика.

Его нет – и это мы, мы сделали это!

Жаль, что об этом никто и никогда не узнает... Мертвые не могут убивать, говорит Динка, и с этой точки зрения преступление, которые мы совершили, можно считать идеальным. Но мертвые не могут никому и ничего рассказать. Они не могут выпустить книгу воспоминаний «Как мы убивали Ленчика».

Жаль.

Это был бы бестселлер, как сказал бы Ленчик.

Это был бы бестселлер, покруче того, который так и не вышел месяц назад, хотя должен был выйти. Ровно через два месяца после нашей с Динкой смерти, Ленчик и здесь подсуетился, он всегда был мобилен, как говорит Динка. Он наверняка начал писать свой бестселлер задолго до того, как нас нашли мертвыми. Голыми, мертвыми, обнявшимися – на смятых простынях. В доме у дурацкой дороги из Барсы в Сичес... «ТАИС: история славы и отчаяния», вот как называлась бы книга. Название придумал Ленчик, а сто тысяч ее экземпляров наверняка разлетелись бы за неделю. Пришлось бы печатать дополнительный тираж, Ленчик сам нам об этом говорил. Сам. В свой первый и единственный визит в Барселону, тогда он привез нас сюда, он почему-то вбил себе в голову, что Барса – лучшее место для сломанного позвоночника дуэта «Таис». «Барса кого угодно расшевелит, девчонки, – ворковал Ленчик. – Барса вернет вас к жизни, вот увидите, лучшего города я не знаю...»

Он пробыл с нами пару-тройку дней, а потом вернулся в Питер, оставив нас под присмотром Барсы. Он обещал вернуться недельки через две, но эти чертовы «две недели» растянулись на несколько месяцев. И все эти несколько месяцев он утешал нас по телефону: возможности приехать пока нет, вы же знаете, я пишу книгу о вас... Интерес у издателей колоссальный... А книга вернет вам сцену... Я думаю над новой концепцией «Таис». А концепция вернет вам сцену... Потом возникли некоторые неприятности с нашими банковскими счетами, и об этом тоже сообщил нам Ленчик: «Вы же знаете это налоговое зверье... Я должен разобраться... Разберусь и приеду... Осталось не так много денег? Подыщите гостиницу подешевле... Это временные трудности, девчонки, временные трудности... Пара недель – и я все улажу». Пара недель давно закончилась, черт...

Но надежда осталась. Во всяком случае – у меня. Разговор о книге всплыл внезапно, когда Ленчик конфисковал у меня дневники периода «Таис». И сказал, что посмотрит их, кое-что исправит, а некоторые куски вообще возьмет без изменений. Они и вправду потянут на дополнительный тираж. Я уже тогда знала это... Я знала это еще до того, как финал бестселлера был дописан. Еще до того, как Динке пришла в голову гениальная идея убить Ленчика, жаль, что об этом не напишешь книгу... Все последние несколько месяцев Динка сидела на транках и запивала их дешевым испанским вином. И даже кололась – опять вперемешку с вином, ее последний парень расстарался. Как же его звали, этого парня? Эйсебио?... Нет, Эйсебио был у нее, когда мы еще жили в четырехзвездочном «Gran Derby». Красавчик Эйсебио, «мой чико»⁴, как говорит Динка... Он нравился мне больше всего, настоящий испанец, прямо

---

⁴ Мальчик (исп.).

матадор, только быка не хватает... Потом был Хесус, ну да, во времена трех звезд в «Suizo»... Мануэль и Хавьер, эти отирались в «Cataluna»... А вот последний и посадил Динку на иглу, основательно, уже в гнусном «Del Mar», гнуснейшем... Вонь от порта и зоопарка, рыба вперемешку с шерстью, шерсть вперемешку с рыбой, и наш хреновый номер, где она трахалась с этим придурком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.